

ОЧИЩЕНИЕ

A soldier in tactical gear, including a helmet with a mounted device, is shown in profile. The background is dark and atmospheric, featuring a bright lightning bolt. The overall color palette is dominated by blues and greys.

Эдгар Грант

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Эдгар Грант

Очищение

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68483110

SelfPub; 2022

Аннотация

Мир меняется на наших глазах. Что за силы стоят за изменениями? Каковы их глубинные мотивы и цели. Могут ли запущенные великими державами процессы выйти из-под контроля и привести к глобальной катастрофе, или все находится под контролем тех, кто принимает решения. Каковы шансы, что случайный человек повлияет ход событий, или машину разрушения уже не остановить. Может ли случайность изменить самые изощренные планы и привести к непредсказуемым последствиям. Возможно, на эти и многие другие вопросы вы найдете ответы в романе.

Содержание

Западная Африка. Мали. Госси. Передовая база MINUSMA	4
Франция. Париж	28
Франция. Байонна	66
Франция. Париж	76
Польша. Граница с Украиной. Жешув	115
Конец ознакомительного фрагмента.	145

Эдгар Грант

Очищение

Западная Африка. Мали. Госси. Передовая база MINUSMA

1

Последний патрульный рейд на север прошел спокойно. Туареги² откатились на границу с Ливией в свои исконные земли и уже несколько недель не проявляли активности. Исламисты из Ансар-ад-Дин³ тоже рассосались по дальним селениям в ожидании, пока французы в последний раз проедутся конвоем по пустынным дорогам, перед тем как с позором покинуть Мали. Вступать в боестолкновение с контингентом MINUSMA никто из полевых командиров не хотел, понимая, что место модных французов вскоре займет гораздо более опасный и профессиональный противник.

¹ *фр. Mission multidimensionnelle intégrée des Nations Unies pour la stabilisation au Mali* – многопрофильная комплексная миссия ООН по стабилизации в Мали.

² Воинственный народ группы берберов, обитающий в южной части центральной Сахары.

³ Группа исламских радикалов в Мали, аффилированная с Аль-Каидой (признана в РФ террористической организацией).

Три покрытых пылью патрульных VABa⁴ вкатились на территорию передовой базы Госси⁵ и, высадив парашютистов перед штабом, проследовали к ангарам. Командир патруля пошел докладывать начальству, а бойцы устало побрели в расположение, где их ждали горячий душ, кондиционер и холодное пиво.

Настроение у людей на базе было скверное. Десять лет назад Франция вошла в Мали, чтобы «стабилизировать обстановку». Ну как стабилизировать... Вначале Париж инициировал свержение власти Каддафи в Ливии и развал страны. Причины понятны: французские компании хотели прибрать к рукам ливийскую нефть. К тому же полковник стал открыто намекать на то, что Елисейский дворец должен выполнить некую «свою часть договора».

Ливийская часть этого договора раскрылась вскоре после начала бомбардировок Триполи авиацией НАТО. Оказалось, что Каддафи незаконно финансировал предвыборную компанию Саркози в размере около пятидесяти миллионов евро. А вот что тот пообещал в ответ, наверно, еще долго останется тайной. Так или иначе, вопрос с очередным аборигеном, наивно поверившим европейцу, был решен авиаударами. Некогда благополучная и процветающая Ливия, к искреннему удивлению разрушившего ее НАТО, погрузилась

⁴ фр. *Véhicule de l'avant blindé* (бронированная передовая машина) – бронетранспортер французской армии.

⁵ Город в центральной части Мали.

в хаос междоусобной войны. Через нее транзитом на север в Европу хлынули миллионы мигрантов из Африки, а на юг – потоки оружия и исламских радикалов, заполнивших вакуум власти после Каддафи. В результате развала Ливии Франция вместо нефти получила толпы полуграмотных голодных африканцев, а вместо «демократической и свободной» страны – рассадник исламского терроризма.

Падение Каддафи оказало крайне негативный эффект на Субсахару⁶ и, в частности, на бывшую французскую колонию Мали, которая итак балансировала на грани полноценной клановой войны. На севере кочевые племена туарегов взяли под контроль обширный приграничный район южной Ливии и примыкающую к ним часть Мали. На северо-востоке оживились исламские радикалы. Те вообще хотели захватить всю страну и устроить исламское государство, живущее по законам шариата. У правительства одной из беднейших стран мира не было шансов противостоять этим угрозам. Стало очевидно, что в Западной Африке вот-вот появится растущий очаг региональной напряженности, сравнимый по масштабам и угрозам с ИГИЛ⁷ в Сирии.

Чтобы хоть как-то подсластить горечь поражения в Ливии, Париж под мандатом ООН инициировал «миссию по стабилизации». Правда, ходили упорные слухи, что Фран-

⁶ Африканский регион, тянущийся с запада на восток к югу от пустыни Сахара.

⁷ Признана в РФ террористической организацией.

цию интересовали запасы нефти и урана на севере Мали, но это, конечно, были досужие домыслы апатриотичных журналистов, ничего не понимающих в продвижении демократии. Так или иначе, в 2013 году в рамках миссии MINUSMA в Мали вошел сводный шеститысячный контингент, основу которого составляли французы.

С того момента прошло десять лет и три военные операции «по стабилизации»: «Сервал», «Бархан» и «Такуба». Все закончились неудачно. Несмотря на превосходство в технике и поддержку с воздуха, французы не сумели сдержать ни туарегов, ни исламистов. К концу 2020 года повстанцы контролировали почти весь север, восток и даже совершали дерзкие вылазки в столицу Бамако. При этом MINUSMA потеряла несколько сотен человек и кучу техники.

Поняв, что не могут выиграть партизанскую войну, французы ограничились патрулированием крупных дорог и начали применять американскую тактику ударов с воздуха. Точность и эффективность таких ударов была гораздо ниже среднего. Мирные жители гибли десятками. Раздуваемые журналистами скандалы о сопутствующем ущербе следовали один за другим. Местное население, и раньше не особо жаловавшее «стабилизаторов», стало их просто ненавидеть и при малейшей возможности старалось им навредить. Популярность правительства стремительно падала. Обострились социальные и клановые противоречия. Стало очевидно, что страна неуклонно скатывается в хаос.

В конце концов в 2021 году военные свергли профранцузское правительство в Бамако и поставили у руля своего человека. Тот, видя, что французы, несмотря на огромный перевес в силе, с повстанцами не справляются, обратился к русским. Очень скоро первый транспортник из Москвы с двумя десятками инструкторов известной российской ЧВК⁸ и кое-каким вооружением приземлился в столичном аэропорте.

Через три месяца русские спецы оттренировали роту местных бойцов. Она стала основой первого штурмового батальона. А потом этот батальон пошел на восток и надрал задницу исламистам Ансар-ад-Дин, установив контроль над крупным регионом. Пусть это был всего лишь локальный успех, но он был очевиден. Без поддержки с воздуха, без артиллерии, без беспилотников, без бронетехники три сотни полуграмотных аборигенов под руководством десятка русских добились того, что шесть тысяч отборных, отлично экипированных вояк MINUSMA не смогли сделать с 2013 года. А ведь французский парашютист – это элита. Его содержание в год с удовольствием, вооружением и экипировкой стоит больше трехсот тысяч евро. Эта сумма как раз сравнима с той, что была потрачена на оснащение всего первого местного батальона, натренированного русскими инструкторами.

В чем секрет их успеха никто особо не разбирался. Может, в том, что присланные Москвой наемники относились к малийцам с уважением, или в том, что плечом к плечу с

⁸ Частная военная компания.

ними участвовали в боестолкновениях, а может, в какой-то особой тактике боя, которую они использовали. Это было уже неважно. Результат был выше всех ожиданий, и это признавали все.

Видя, что их в очередной раз ткнули лицом в грязь, Париж и Брюссель попытались надавить на Россию в частном порядке и через международные организации. Типа, вы куда лезете? Здесь же наша зона влияния. Но Москву было уже не остановить. В течение следующего года количество русских наемников превысило сотню. Число подготовленных ими местных пехотинцев достигло трех батальонов. Новые подразделения настолько успешно теснили исламистов на востоке страны, что на севере обычно воинственные туареги запросили перемирия и вступили с властью в переговоры. Вернее, вначале они связались с русскими наемниками, ну а те отправили их в столицу.

Успех ЧВК был очевиден для всех, поэтому правительство продлило контракт и закупило небольшую партию российского вооружения. При этом статус MINUSMA был значительно понижен, а ее мандат серьезно ограничен. В качестве открытой издевки французам предложили патрулировать северные районы в местности, где туареги уже объявили перемирие. Но бедуины оказались совсем не рады высокомерным европейцам и даже устроили несколько засад. Чтобы не злить кочевников, в Бамако решили полностью прекратить «миссию по стабилизации».

И вот теперь последний патруль вернулся с задания. Пыльный, грустный и униженный.

Через неделю начнется вывод контингента MINUSMA из передовой базы в Госси. Еще через неделю сюда войдет батальон местных, хотя правильнее было бы сказать сюда войдут русские.

– Обидно, блин, – капитан медицинской службы Николя Шерно отвернулся от окна и посмотрел на сидящего на кушетке офицера с забинтованным плечом. – Мы тут корячились столько лет, а русские пришли и вот так вот все забрали.

– Да наплюй. Теперь это их проблема. И туареги, и гребаный Ансар. Чтоб его, – тот осторожно повел плечом, аккуратно потрогал повязку и выругался: – Это ж надо, перед самым отходом пулю поймать. И где? У себя на заднем дворе.

– Не хрен было в Госси к шлюхам таскаться. Да еще одному.

– Бордель-то наш, проверенный. А может, я хотел напоследок финансово поддержать местное население.

– Ну как? Поддержал? – медик подошел к столу, взял упаковку таблеток и бросил ее раненому. – Обезболивающее. Одна таблетка на ночь. Днем терпи.

– Да уж, поддержал, – тот здоровой рукой поймал лекарство на лету и вздохнув посмотрел на этикетку. – Вот ведь неблагодарное шакалье. Десять лет жили за наш счет, а теперь... Не любят нас здесь.

– А за что любить? Только за то, что щедро платим шлю-

хам. За десять лет хоть бы школу простенькую построили.

– Ты знаешь, а я рад, что мы сваливаем из этой *cul du mond*⁹, – офицер засунул таблетки в карман брюк.

– А я нет. Тебе хорошо. У тебя срочный контракт, а я здесь на проекте. Миссию закрыли – и до свидания. У меня ипотека в Париже висит. Думал до конца года ее закрыть. Теперь, видно, хрен.

– Ипотека – это плохо. Особенно в Париже. Сейчас дома куча проблем. После того как русские начали заварушку на Украине, все подорожало: жрачка, бухло, свет, газ. Только раскошеливайся. И будет только хуже. Штаты решили конкретно пободаться с Москвой. А наши тупо их поддерживают. Идиоты. Ничему их история не научила, – офицер поднялся с кушетки и накинул на плечи легкую тунику. – Ты видел, как русские воюют. Это полный пипец. Жесть. Если до войны дойдет, они натовское изнеженное хомячье раскатают только в путь.

– Не дай бог, – покачал головой медик.

– Не дай бог. Ну да ладно. Думаю, наверху договорятся. Наш, вон, каждую неделю с Кремлем на проводе.

– Нервничает.

– Да и хрен с ним. Этот женатый на трансгендере холеный педик все равно ничего не решает.

– Эй, ты поосторожнее. С такими базарами можно и в контрразведку загреметь, – погрозил ему пальцем Ник и

⁹ фр. *Задница мира*.

включил висящую на ухе гарнитуру. – Все, амиго. Сеанс окончен. Меня в штаб вызывают. Ты береги себя. И больше никаких шлюх. Потерпи до дома. Там сейчас полно бесплатных украинок.

В штабе комендант передовой базы вручил капитану Шерно пакет. Вид при этом у него был усталый и грустный.

– Ник. Мне очень жаль... – сочувственно пробурчал он. – Ты... это... Если хочешь, сегодня вечером вертолет на Бамако. Утром оттуда транспортник идет в Монт-Верден¹⁰. Бумаги я подпишу. Решай.

Чувствуя, как сердце, предвидя недоброе, пропустило удар, Шерно открыл конверт и прочитал несколько строк.

«С прискорбьем сообщаем, что ваш отец...»

– Твою мать, – выругался он вслух и растерянно посмотрел на командира.

– Соболезную, дружище, – отвел глаза тот. – Если хочешь, то сегодня вечером...

– Я подумаю, – рассеянно ответил Ник. – Разрешите идти.

– Да ну тебя, – махнул рукой комендант и вернулся в свое кресло за рабочим столом. – Ты хороший офицер. Делал свое дело как надо, не ныл, не боялся боевых выходов. Парни тебя уважают. Таких жаль терять. Закончишь дела в Париже, зайди в штаб полка. Я подготовлю рекомендацию, чтобы тебя оставили на службе. Хотя, если честно, шанс очень маленький. Мы сворачиваем большинство операций за рубежом, а

¹⁰ База ВВС Франции рядом с Лионом.

дома все тепленькие места заняли сыночки политиков и генералов. Но ты все же попробуй. Хотя, скорее всего, тебя ждет досрочный разрыв контакта по инициативе Минобороны. Зато ты получишь неплохую компенсацию. Об этом я тоже позабочусь.

– Спасибо, – Шерно козырнул, развернулся и направился к двери.

«Отца больше нет, – с грустью подумал он, шагая к медпункту. – А я даже не помню, когда с ним говорил последний раз. На Рождество послал короткое поздравление и все.»

На него вдруг навалилось горькое осознание того, что он остался один. Один во всем этом безумном мире. Ведь кроме отца у него не было никого. Вернее, может, кто-то из родственников где-то и был, но он не знал кто и где. И, если честно, совсем не горел желанием с ними общаться.

Отец был помешан на науке. В молодости даже сорвал какую-то крутую премию по микробиологии. Основное место в его жизни занимала лаборатория. Времени для жены и сына практически не оставалось. Когда Николая было всего семь, мать не выдержала отсутствия внимания и подала на развод. Через год у нее появилась новая семья. А еще через год они с отчимом разбились на автомобиле на одной из горных дорог в зимних Альпах. После трагедии отец забрал его к себе, но уже через месяц школа сообщила в органы опеки, что мальчик фактически находится без присмотра, и его определили в приют. В хороший приют под патронатом Мини-

стерства обороны. Там юный Шерно научился дисциплине и проникся уважением к военному делу. Но, видимо, папины гены взяли свое, потому что лучше всего ему давались точные науки, причем настолько хорошо, что в четырнадцать лет он получил специальную стипендию за успеваемость и персонального наставника из университета. Деньги небольшие, но для пацана без семьи они много значили.

В шестнадцать, после приюта, Николя подумывал поступить в кадетское училище, но наставник включил его в группу особо одаренных ребят-химиков, обучение которых оплачивала крупная фармкомпания. Так он закончил среднюю школу, потом поступил в медицинский университет. После отработал на фармкомпанию положенные пять лет, а когда наступил кризис 2008 года, попал под сокращение и пошел на вольные хлеба. Некоторое время болтался без работы, проедая накопления, затем записался в миссию Красного Креста в Африке. Попал в Чад по программе вакцинации и профилактики ВИЧ. В то время безопасность их группы обеспечивали французские парашютисты. Там он познакомился с офицером, который связал его с вербовщиком центра подготовки полевых медиков во Франции. Потом – год обучения в центре и трехлетний контракт с Министерством обороны на должность медика в заграничных Первого парашютного¹¹. Попал в Мали в разгар боевых операций про-

¹¹ *1-er Régiment de Parachutistes d'Infanterie de Marine (1-er RPIMa) – Первый парашютный полк морской пехоты, одно из трех подразделений Сил специальных*

тив повстанцев. Довелось и полечить, и пострелять, и погулять на славу. Так что последние три года его семьей был небольшой гарнизон парашютистов в пыльном, жарком, пропахшем верблюжьим навозом Госсии. Здесь были его друзья. А подруг на любой вкус хватало в борделях Бамако, куда французы ездили отрываться в увольнение.

С тех пор как маленького Ника забрали в приют, они со стариком практически не общались. Только на Рождество и на день рождения перебрасывались короткими, ничего не значащими сообщениями и двумя-тремя строками вроде «все нормально, привился-не привился, береги себя». Для него отец был совершенно посторонним человеком. Но вот его не стало и в душе образовалась саднящая тоской пустота.

Капитан добрался до медпункта, налил себе стаканчик кальвадоса, залпом выпил и, усевшись на кушетку, снова вынул письмо из конверта.

«С прискорбием сообщаем... В результате терминальных осложнений после тяжелого течения COVID-19... Тело кремировано... Урна с прахом ожидает вас...»

Как так? Из того что он знал, старик прошел полный курс вакцинации, потом ревакцинировался, а осенью 21-го, когда Францию накрыла «дельта»¹², еще и переболел в легкой форме. Значит, у него должен был выработаться стойкий имму-

операций ВС Франции.

¹² Штамм «дельта» COVID-19.

нитет. А тут тяжелое течение, терминальные осложнения. И тело кремировали, хотя отец в последнее время ходил в церковь и наверняка хотел бы, чтобы его похоронили по христианским обычаям. Странно.

Спрятав письмо в конверт, Шерно плеснул себе еще немного кальвадоса и сделал небольшой глоток. Надо лететь, отдать последние почести старику. Какой бы ни был, но все-таки отец. К тому же в полку ему сообщат, что контракт с ним не будет возобновлен. Приняв решение, он связался с комендантом и сказал, что готов вечером вылететь в Бамако.

* * *

С закатом легкий Fennec¹³ вылетел из Госси и на малой высоте пошел над пустыней на запад. Кроме Ника в пассажирском отделении были штабной курьер, вывозивший ценные документы подразделения перед эвакуацией, и сержант тыловой службы, в задачу которого входило организовать размещение личного состава на основной оперативной базе MINUSMA, примыкающей к аэропорту Бамако. Настроение у всех было не самое веселое. Перекинувшись парой фраз, пассажиры расслабились в своих креслах и сделали вид, что дремлют.

По прямой до места было километров семьсот. Пилот вел машину на малой высоте, хотя в последнее время обстрелов воздушных целей повстанцами в этом районе не было. Но, разведка сообщила, несколько недель назад в Ливии у исла-

¹³ Легкий многоцелевой военный вертолет производства Eurocopter.

мистов появились «Стингеры» из той тысячи штук, что американцы поставили на Украину. Значит, скоро они засветятся и здесь. А за ними придут и ПТРК¹⁴ вроде «Джавелинов» и английских NLAW, которыми НАТО в огромном количестве снабдило Киев. Проводить операции против повстанцев станет гораздо сложнее. Но это уже не их проблема. Через пару недель база в Госси должна эвакуироваться далеко на запад в Бамако, а туда исламисты вряд ли дотянутся.

Под такие грустные мысли и приглушенный наушниками рокот винтов Ник задремал. Ему даже привиделись неясные образы чего-то мирного, гражданского вроде уютной кафешки под парижскими каштанами, настоящей фуа-гра, бутылочки красного на столе и симпатичной подружки напротив. Он уже начал прикидывать, кому позвонить из старых знакомых, но тут из полудремы его вызвал противный писк сигнализации и металлический женский голос в наушниках: «Внимание, ракетная атака слева! Внимание, ракетная атака слева!».

Вертолет, уходя на крутой разворот, резко завалился на правый бок и отстрелил веер тепловых ловушек. В их ярком свете внизу мелькнул сплошной ковер кустарника, над которым выступали высокие кроны акаций. Не закончив разворот, пилот бросил машину влево. Ник, удерживаемый ремнями, повалился на сидящего рядом сержанта. В этот момент сзади сверху глухо бухнуло. Вертушку сильно потрянуло

¹⁴ Противотанковый ракетный комплекс.

и боком повело в сторону. В салоне запахло гарью. Включилась система пожаротушения.

– Ракетная атака! Нас подбили! Нас подбили! Мы падаем! – орал по радиии штурман-стрелок, пока пилот сбрасывал высоту, пытаясь выровнять виляющую хвостом машину.

Fennес так и не вышел из разворота и, разрывая винтами кустарник, рухнул на землю на левый борт. Пилоту удалось погасить скорость, но сила удара все же была огромна. Ника бросило вперед. Ремни с дикой болью сдавили грудную клетку, в глазах потемнело, противно хрустнули ребра. Отсек наполнился газом системы пожаротушения. Стало трудно дышать. Затем, открывая путь к спасению, автоматически отстрелилась правая дверь. Подгоняемый страхом, что вертолет может загореться, он отстегнул ремни, преодолевая боль в груди, выбрался наружу, свалился с борта вертолета на землю и отполз в сторону.

В сумерках через покрошенные винтами кусты было видно, что вертолет лежал на левом боку. Из открытой правой двери выходили остатки газа системы пожаротушения. Развороченный ракетой блок двигателей, расположенный сзади над кабиной, сильно дымил и плевался яркими искрами. Открытого огня нигде не было. Это давало шанс, что горючее не сдетонирует.

Ник отдышался, прокашлялся. Попытался успокоиться. Аккуратно ощупал себя. Вроде все было целым, только болели ребра слева и грудь спереди. Сделав несколько глубо-

ких вдохов, он встал на колени и на четвереньках пополз к вертолету. Держась за салазки вертолета, поднялся на ноги. Собравшись с силами, залез на борт и заглянул внутрь пассажирского отсека.

Сержант, сидевший слева от него, не подавал признаков жизни. Судя по пятну крови, расплывшемуся по бронированному стеклу, он сильно ударился головой. Курьер был в лучшем состоянии. Он, дико вращая глазами, хватал воздухом и дрожащими руками пытался отстегнуть заклинивший ремень. Этот выберется сам, решил капитан и перебрался к отсеку пилотов. Там на правой двери тоже сработал механизм отстрела, чтобы облегчить эвакуацию при аварии.

Штурман был жив. Он изо всех сил старался освободить лежащего под ним пилота.

– Ты так ничего не сделаешь, – прохрипел сверху Ник. – Цепляй его ремнем за карабин на разгрузке. Вдвоем вытянем.

– Двигатель, – обернулся на голос тот.

– Что – двигатель? – свесился ниже Шерно.

– Туши двигатель.

Ник в полутьме пошарил рукой у двери в кабине и нащупал пристегнутый слева от сидения огнетушитель. Через минуту он, пошатываясь, уже стоял у разбитого взрывом дымящегося движка и обильно поливал его пеной.

В этот момент совсем недалеко в буше раздалось характерное таканье автоматных очередей АК-47, потом один за

другим бухнули несколько взрывов. Он бросил огнетушитель и снова забрался на вертолет.

– «Калашы» работают. Совсем рядом, – сообщил он и помог выбраться из кабины штурману, потом они вдвоем на ремнях вытащили пилота. Тот сильно стукнулся головой о стойку, но шлем принял на себя основную силу удара, поэтому он уже пришел в сознание, мог идти и ориентироваться в обстановке. Его оттащили от вертолета в кусты, сунули в руки MP5¹⁵ и сказали следить за обстановкой. Потом помогли вылезти курьеру. Тот тоже мог адекватно оценивать обстановку и присоединился к пилоту в кустах.

Выстрелы стихли. Ник прислушался. Кроме металлического потрескивания в двигателе ничего не было слышно. Махнул рукой штурману, и они вдвоем полезли вытаскивать сержанта. В этот момент на аварийной частоте на английском заработала рация:

«Французский Fennec, это «Виктор». Мы видели, что вас обстреляли из ПЗРК. Опасность устранена. Сообщите статус». «Виктор» в Мали был общим позывным для всех русских наемников при радиообмене с MINUSMA.

– Блин, это русские, – повернулся к Нику штурман. – Что будем делать?

– А хрен его знает, – тот пощупал пульс сержанту и посветил фонарем на разбитую голову. – Вроде жив, кровоте-

¹⁵ Heckler & Koch MP-15 – пистолет-пулемет калибра 9 мм производства ФРГ. Вариант личного оружия пилотов ВВС Франции.

чение несильное, но серьезная травма головы. Скорее всего, сотрясение. Нужна экстренная помощь.

– Мы сейчас в пойме Нигера между Севаре и Тенеку¹⁶. В Бамако приняли наш сигнал. Наверняка засекли маяк. Если они сразу вышлют вертолет, он будет здесь через час.

«Французский Fennec, это «Виктор», – снова ожила ра-
ция, – Мы знаем ваше п-положение. Мы вас видим. Мы ря-
дом. Опасности нет. Мы можем вам помочь с ранеными,
пока п-придет ваш спасательный вертолет. Сообщите, если
нужна наша помощь».

– У них, скорее всего, коптер, – сделал вывод штурман.

– Сообщи, пусть подходят. Мы вдвоем сержанта не выта-
щим. Заодно прикроют нас. Вдруг в буше еще повстанцы.

– Уверен? Ты старший по званию. Тебе отвечать.

– Дай сюда, – Ник взял из рук штурмана микрофон. –
«Виктор», это капитан Шерно, MINUSMA. У нас раненые.
Нам нужна помощь. Выходите к вертолету. Обозначьте себя
фонарями. Оружие за спину.

«Это «Виктор». П-понял тебя. ETA¹⁷ через семь».

Ник вернул микрофон и показал на лежащего в вертолете
без сознания сержанта.

– Этого трогать пока не будем. Ты лезь в кабину и свяжись
с базой. Узнай статус эвакуационной вертушки. Я пойду пре-
дупрежу наших в кустах, чтобы сдуру не начали палить по

¹⁶ Небольшие городки в центре Мали.

¹⁷ англ. Estimated Time of Arrival – предполагаемое время прибытия.

русским. Тогда нам точно хана.

Прошло пять минут. Десять. Никто не появлялся. За это время капитан осмотрел пилота и курьера. У первого было легкое сотрясение, головокружение, тошнота, у второго – шок и вывих руки. Сустав вправил. Сделал противошоковый укол. Когда начал паковать вертолетную аптечку в чехол, понял, что сбоку от него кто-то стоит. Положив руку на МР-5, который начал было поднимать пилот, медленно оглянулся. На темном фоне кустов – чуть различимый силуэт. Местный в черном камуфляже и простенькой легкой разгрузке такого же цвета. В руках автомат стволом вниз. За спиной торчит труба легкого одноразового гранатомета.

– Не беспокойтесь, месье. Мы уже здесь. Не надо оружия. Опасности нет, – на плохом французском с жестким малийским акцентом проговорил он.

Слева и справа от вертолета послышался хруст веток, и из кустов, словно ночные призраки, появились еще три бойца, одетые точно так же. Все местные.

– Я же просил обозначить себя, – прохрипел не на шутку перепугавшийся Ник, не понимая, как к нему по сухому кустарнику могли подойти так близко, не издав ни звука.

– Буш. Темно. Вас подбил Ансар. Могут быть здесь. Нельзя свет. Надо идти тихо. Сейчас опасности нет. Чисто, – пехотинец присел на корточки и посмотрел на лежащих на земле раненых. – Помощь нужна?

– Где «Виктор»? – вместо ответа спросил капитан.

– Здесь «Виктор», – ответил по-английски один из стоящих у вертолета бойцов и подошел ближе.

Он был одет так же просто, как и остальная группа. Низ лица закрывала легкая черная балаклава, поэтому и выглядел, как местный.

– Капитан Шерно, MINUSMA, – Ник встал в полный рост и козырнул.

– Знаю. Капитан Николя Шерно. Госси. Медик, – «Виктор» подошел ближе и посмотрел на раненых. – П-повезло вам. «Стингер» попал в левый двигатель вертушки. Правый почти цел. И пилот умница, сумел скорость погасить. П-помощь нужна?

– Там в кабине еще один раненый, – надо его аккуратно извлечь.

Двое пехотинцев и штурман, включив аварийный светильник, вытащили из вертолета сержанта и положили рядом на траву. От приступа боли тот пришел в себя и громко стонал. Ник перевязал ему голову, осмотрел. Кроме травмы головы у пострадавшего была еще сломана ключица. Сделал противошоковой укол, ввел обезболивающее и зафиксировал предплечье.

Пока капитан возился с раненым, русский отправил своих бойцов в буш обеспечить периметр. Сам присел рядом спиной к вертолету. Некоторое время наблюдал за тем, как капитан возится с раненым, потом покачал головой и со знанием дела заявил:

– Шерно, у тебя сломано левое ребро. Может, даже два.

– А вы что, медик? – аккуратно уложив на спину сержанта, спросил капитан.

– Не медик. Это заметно п-по тому, как ты двигаешься. Запястье левой руки рефлекторно п-прижимаешь к боку, чтобы его стабилизировать.

Ник сел и еще раз аккуратно ощупал свой левый бок. При надавливании ребра чуть похрустывали, но острой боли не было. Она возникала только при поворотах корпуса и глубоком вдохе.

– Вы правы. Скорее всего, перелом или трещина ребер. Можно наложить повязку здесь. Но до базы дотяну. Там зафиксируют бандажом.

– Вертолет будет через п-полчаса, – предположил «Виктор». Было заметно, что он иногда заикался на букве «п». – Мы побудем здесь. Мало ли кто еще в буше остался. Мы за этой группой второй день идем. От самого Севаре. Засекли ее около аэродрома, но они успели уйти в буш. Это Ансар. Если бы они не п-позарились на ваш вертолет, то дошли бы до Бамако. Их целью, скорее всего, были военные транспорты. Так что вы нам п-помогли. Мы их определили по месту пуска «Стингера» и очень удачно зачистили.

– Вы думаете, что это «Стингер»?

– Не думаем. Знаем. Тубус п-пустой нашли. И еще две рабочие трубы¹⁸.

¹⁸ Пусковые установки ПЗРК.

– Три ПЗРК в одной диверсионной группе, – удивился Ник. – Откуда?

– Известно откуда. С Украины. Раньше «Стингеры» у террористов были на вес золота. А теперь готовьтесь. Скоро их на севере Африки и Ближнем Востоке будет как грязи. Хотелы их продают десятками любому, кто п-платит.

– Твою мать. Так и в Европу могут попасть, – Ник пошевелил левым плечом, прислушиваясь к ощущениям в боку.

– П-попадут, не сомневайся. Ты вот что, Шерно, на-ка наклей на бок вот это, – русский снял свой тактический рюкзак, достал оттуда аптечку, а из нее извлек квадратный пакет. – Это жесткий п-пластырь для фиксации ребер при переломе.

– Откуда? Это ведь не входит в стандартный комплект, – капитан поймал брошенный ему пакет, повернул его к свету и внимательно посмотрел на надпись на русском и картинку, описывающие способ применения.

– У меня тоже п-перелом ребер. Еще вот лоб разбил. Шрам останется, – хмыкнул «Виктор». – П-перевернулся на машине, когда по барханам моджей¹⁹ гоняли. Заживает медленно. Вот и ношу с собой.

– Спасибо, – Ник снял тунику, задрал майку вверх, еще раз пощупал ребра, потом вскрыл пакет и наложил на место перелома жесткий прорезиненный квадрат пластыря.

– Месье капитан, вертолет в пятнадцати минутах. Запрашивают, есть ли враждебная активность, – сообщил штур-

¹⁹ *Моджахедов – собирательное название исламских террористов.*

ман, который держал связь из кабины по рации.

– Отрицательно. Враждебной активности нет, – ответил Шерно и посмотрел на русского. – Ну все. Еще раз спасибо. Дальше мы сами.

– Нет уж, – покачал головой тот. – Мы будем здесь до прибытия вашей группы спасателей. Если уйдем, нас в бунте могут принять за п-повстанцев. На вертолете наверняка тепловизор, пулемет и пару пакетов НАРов²⁰. Не хочу, чтобы мою группу в темноте п-покрошили ваши вояки.

Минут через десять с запада послышался нарастающий рокот. Вскоре над местом падения завис Caracal²¹. Оттуда на канатах спустились четверо чистеньких холеных спецназовца, экипированных по высшим тактикульным²² стандартам. Они уже знали, что внизу русский с группой местных, но театрально разыграли контроль периметра с перебежками, припаданием на колени и рысканьем лазерными прицелами по темным кустам.

«Виктор» некоторое время смотрел на этот цирк с благодушной улыбкой, потом связался с пилотом Caracal по рации и сказал, что уводит свою группу на восток. Напоследок он протянул капитану руку.

– Ну что, Шерно. Будь здоров. Надеюсь, мы с тобой боль-

²⁰ *Неуправляемые авиационные ракеты.*

²¹ *EC725 Caracal – большой многоцелевой вертолет производства Eurocopter.*

²² *Тактикул – модный стиль тактической экипировки, отличающийся обилием эффектных элементов обвеса.*

ше не встретимся. А то у меня в последнее время что-то не очень хорошее п-предчувствие насчет НАТО.

– Думаю, все рассосется. В Брюсселе же не самоубийцы сидят, – пожал крепкую жилистую ладонь Ник и вдруг спросил: – Я все хотел узнать, почему «Виктор»?

– Без п-понятия, – пожал плечами русский. – Может, п-потому, что это означает «победитель». А может, п-потому, что в голливудских фильмах так обычно зовут злодеев.

– Версия с победителем мне нравится больше, – тихо проговорил капитан, когда силуэт наемника растворился в буже.

Франция. Париж

Утренний рейс в Шарль-де-Голль²³ из Лиона, рядом с которым расположена авиабаза ВВС Франции Монт Верден, занял чуть больше часа. Обычно по утрам бизнесмены спешили по делам в Париж, чтобы вечером успеть вернуться обратно, но сейчас самолет оказался наполовину пуст. Это было довольно странно.

Принимая бокал игристого у молоденькой стюардессы, Ник, решивший позволить себе бизнес-класс, поинтересовался, почему загрузка самолета неполная. Та, пожав плечами, ответила, что так уже почти два года, с самого начала пандемии. Было время, когда самолеты во Франции вообще месяцами стояли на приколе. А сейчас... Сейчас тоже не сахар. Мелкий бизнес сильно ужался во время локдауна, цены растут, работы у людей нет, зарплаты не повышаются, а Елисейский дворец играет в большую политику с Кремлем вокруг Украины, безуспешно пытаясь убедить граждан, что может на что-то повлиять.

Не ожидавший такого пессимизма от совсем юной девушки капитан, потягивая вино, полистал газеты, потом долго смотрел в окно на проплывающие внизу облака. Он не был во Франции с зимы 20-го. Тогда ковид только начинался.

²³ Крупный аэропорт в пригороде Парижа.

Нигде никаких ограничений еще не было, и они с парнями неплохо оторвались, погуляв недельку по ночным клубам и тайным борделям Парижа.

Затем ударила пандемия. Правительство ввело кучу ограничений. Смысла ехать в отпуск домой не было. Поэтому веселая компашка из Первого парашютного устроила себе шикарный отдых во Французской Гвиане²⁴. Там у Парижа с колониальных времен осталась крупная военная база, а побережье Атлантики могло похвастаться неплохой инфраструктурой отелей и апартаментов, которую во время пандемии использовали офицеры. Пока весь мир бился в истерике ковидных ограничений, они с друзьями погуляли на всю катушку. Океан, тропики, текила, горячие мулатки. Какой ковид? Какие ограничения? Молодой здоровый организм перемалывал любую заразу, как прочные каменные жернова ветряной мельницы. А вот во Франции, конечно, все было по-другому: локдауны, маски, очереди на вакцинацию, комендантский час. Тоска, короче.

Над Парижем уже несколько дней висела мелкая английская морось. Хотя метеорологи обещали аномально жаркое лето, май в этом году больше походил на март, облачный и дождливый. В аэропорту Ник взял машину на прокат и поехал на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа²⁵. Там настоятель

²⁴ *Заморский департамент Франции, расположенный на северо-востоке Южной Америки.*

²⁵ *«Русское» кладбище в пригороде Парижа.*

церкви Успения Божьей Матери хранил урну с прахом его отца.

Самого батюшки Константина на месте не оказалось. Пришлось общаться с протоиереем. Ник не разбирался в чинах православной церкви, но, судя по холеной седой бородке, по степенности, по важному размеренному и неспешному говору собеседника, сдобренному легким славянским акцентом, его сан имел вес и значение.

Договорились об отпевании и захоронении урны в русской части кладбища. Священник посетовал, что кремация не является богоугодным делом, но в последнее время Православная церковь ее допускает. Правда, в случае с отцом были совершены некоторые оплошности. С прахом не был передан нательный крестик покойного.

– А тело разве не было кремировано здесь? – поинтересовался Ник.

– Нет. Прах прибыл с курьером от душеприказчика²⁶, оформлявшего завещание.

– Так где же кремировали тело?

– То мне неизвестно, – протоиерей остановился и внимательно посмотрел на гостя. – В последнее время месье Шерно часто посещал наш храм. Делал щедрые пожертвования. Каялся, что грешен. Что никакие молитвы не смогут искупить этот грех. Не было покоя в его мятущейся душе, как и в душах многих прихожан. Время сейчас такое. Кто сейчас не

²⁶ Душеприказчик – исполнитель завещания.

грешен? Сатанинский морок поглощает людей, – священник перекрестился и поклонился на церковь. – Я не думаю, что отсутствие в прахе нательного крестика станет препятствием при захоронении. Вы можете купить его у нас в лавке, и формальность будет соблюдена.

Отпевание было скорым. Протоиерею помогали два молодых послушника. Потом вся небольшая скорбная процессия прошла из храма в русскую часть кладбища. Там прах старшего Шерно был предан земле на участке для захоронения кремированных. Ник распорядился поставить небольшую надгробную плиту, рассчитался за службу, сделал щедрое пожертвование и покинул территорию кладбища.

По дороге в Париж в голову лезли всякие мысли. Насколько он помнил, отец был далеким от религии материалистом. Что его толкнуло в церковь? Какой грех? Где было кремировано тело? Как-то много вопросов возникает вокруг этой смерти. Полный сил шестидесятилетний ученый, привитый-перепривитый, умирает от ковида. Перед смертью резко принимает бога. Кается. Но, вопреки церковным обычаям, тело кремируется, причем не там, где он будет похоронен. Странно все это. Возможно, встреча с нотариусом, оформлявшим завещание, все прояснит. В письме он как раз фигурирует как душеприказчик.

Время для встречи у нотариуса нашлось только на следующий день. Однако разговор никак не прояснил ситуацию, а только еще больше все запутал. Оказывается, отец оставил

ему в наследство студию в центре города, новый Рендж Ровер и солидный счет в банке. Откуда у старика появились деньги, было непонятно. Работал он научным руководителем одной из лабораторий Национального института исследований в области сельского хозяйства, питания и окружающей среды. Должность, конечно, значимая, и зарплата, наверно, была неплохая, но ее явно недостаточно для того, чтобы купить дорогую машину и квартиру в престижном районе Парижа. Однако нотариус заверил, что все абсолютно легально и никаких проблем у отца с налоговой не было.

Получалось, что после странной смерти отца Ник стал единственным наследником весьма солидного, по его личным меркам, состояния. Он, конечно, был всему этому рад. Но все же чувствовал себя немного растерянным, смущенным и виноватым от того, что так мало общался с отцом. К тому же нотариус сказал, что в соответствии с процедурой наследник может пользоваться квартирой и машиной уже сейчас, а вот для вступления во владение средствами в банке понадобится некоторое время. Он передал оставленную отцом коробку с документами, ключами и несколькими конвертами и сказал, что окончательное оформление наследства займет около недели.

Перед тем как уйти, Ник спросил о месте кремации отца. Порывшись в компьютере, душеприказчик сообщил, что эта процедура была выполнена в городке Антоний пригородного департамента О-де-Сен, где работал доктор Шерно.

После нотариуса растерявшийся от такого неожиданно-го счастья капитан решил не осматривать сразу полученную в наследство недвижимость. Вместо этого он снял люкс в дорогом Cheval Blanc²⁷, заказал бутылку шампанского и, устроившись на огромной кровати, достал из сумки коробку отца. Высыпал содержимое на покрывало, сел по-турецки и грустно вздохнул. Папа, папа, что ж ты сам не позвонил. Ты же был мудрее и опытнее меня, тридцатилетнего подростка.

Терзаемый угрызениями совести за то, что не уделял отцу внимания, Ник посмотрел на неаккуратную кучку вещей, высыпавшихся из коробки. Пара ключей от машины. Два ключа с пультами от ворот гаража – скорее всего, в доме, где находится квартира. Флешка. Пара старых видеокассет. Простенький нательный крестик. Не тот ли, о котором вчера упоминал протоиерей? Несколько небольших иконок из православных святынь в Греции и Сербии. Четыре конверта формата А4 и один маленький. В одном сертификат о номинации на премию Сальмана Ваксмана²⁸. Во втором... Твою мать! Письмо от французской Академии наук о номинации на Нобелевскую премию по физиологии и медицине за 2018 год. Вот это новость. Отец, оказывается, был реальным светилом. Не каждому ученому удастся добиться номинации на самую престижную научную премию мира. Что ж он такого

²⁷ Пятизвездочный отель в центре Парижа рядом с Лувром.

²⁸ Престижная премия в области микробиологии и вирусологии. Присуждается Национальной академией наук США.

натворил?

Внимательно прочитав письмо из академии, Ник недовольно поскреб подбородок. Информации был минимум: создание манипуляционных механизмов для атипичных белковых соединений. Хрень какая-то. Атипичных или аномальных белковых соединений куча. Большая часть из них была нестабильна и быстро распадалась. Зачем ими манипулировать и стоит ли это номинации на Нобелевку, оставалось загадкой.

Выяснилось, что не стоит. В том же конверте был ответ от управляющего комитета премии: «Ввиду сомнительности методологии и неоднозначности результатов, требующих дальнейшего экспериментального подтверждения, не можем принять номинацию». Но все равно номинацию Ваксмана отец получил. А это самая престижная премия по микробиологии и вирусологии после Нобелевки. Пусть ее в тот год дали другому, но сам факт говорит о признании его успеха научным сообществом.

В следующем конверте были три предложения о работе от американских фармкомпаний. Причем не просто «не хотите ли рассмотреть возможность», а «вы нам нужны завтра, согласны на любые условия». Это тоже много значит. Там же визитка замдиректора DARPA²⁹ и еще одна от директора Агентства по уменьшению угрозы Министерства обороны

²⁹ *Defense Advanced Research Projects Agency – Управление перспективных исследовательских проектов Министерства обороны США.*

США³⁰. Видно, разработки старика очень сильно заинтересовали американских генералов. Следующий документ порадовал. Отец как истинный патриот проигнорировал домогательства американцев и подписал контракт с французским Национальным институтом исследований в области сельского хозяйства, питания и окружающей среды. Впрочем, судя по тому, что ему и там платили неплохие деньги, он не прогадал.

Шерно задумчиво посмотрел на ключи от машины и квартиры, лежащие в стороне, и вскрыл последний маленький конверт. Там была всего одна старая фотография. Улыбающиеся папа, мама и маленький, сияющий от счастья Николай с огромным белым хохлатым попугаем на плече. Где-то на залитом солнцем берегу моря. Может, Ницца или Канны. Боже, сколько лет прошло. Он был настолько мал, что не помнил, кто и когда сделал этот снимок.

Несколько минут Ник вглядывался в счастливые лица родителей, пытаясь запомнить их именно такими. У него почти не было семейных фотографий. После гибели матери в приют его забрали с минимумом вещей. Зато теперь есть одна главная, способная заменить целый альбом.

Оказалось, что не одна. На флешке были сотни сохраненных семейных фотографий, а на двух кассетах для видеомэг-

³⁰ *Defense Threat Reduction Agency (DTRA) – Агентство по уменьшению угрозы обороны. Отвечает в Министерстве обороны США за поддержку программ по противодействию оружию массового уничтожения.*

нитофона, судя по надписям и датам на этикетках, оказались несколько часов семейного видео. Целый архив. Надо будет все оцифровать и собрать на одном носителе, чтобы потом оставить детям.

Повалившись на кровать, капитан поднес к глазам фотографию и, стараясь получше рассмотреть лица родителей, дал себе слово, что будет хорошим отцом. Хотя в то время он не имел четкого представления, что это значит и как вообще сложится его судьба. Возможно, если бы родители были более терпимы друг к другу, развода удалось бы избежать. Тогда они жили бы одной счастливой семьей. Мама была бы жива, и отец тоже. И ему не пришлось бы провести детство в приюте, а молодость в скитаниях по дешевым ночлежкам.

Размышления Ника о возможном прервала ненавязчивая трель телефонного звонка. Он снял трубку и услышал голос оператора отеля.

– Прошу прощения, месье Шерно, у нас входящий звонок от отца Константина, настоятеля церкви в Сент-Женевьев-де-Буа. Желаете, чтобы вас соединили?

– Месье Николя Шерно, – раздался в трубке глубокий, полный важности и значимости басок. – Приношу свои извинения, что не смог лично проследить за тем, чтобы праху раба божьего вашего батюшки были отданы должные знаки уважения перед тем, как он был предан земле.

– Не стоит извинений. Ваш помощник сделал все, как надо.

– И все же. Если бы вы предупредили о приезде, я бы отложил церковные дела, чтобы пообщаться с вами лично.

– Спасибо, – ответил Ник, сбитый с толку таким вниманием.

– В любом случае примите мои соболезнования и благословение, – священник на секунду умолк и продолжил: – Вы знаете... После того как курьер доставил прах вашего батюшки, к нам пришла молодая особа. Дочь человека, с которым месье Шерно был дружен. Она просила передать вам визитку в надежде, что вы сможете с ней связаться. Если не возражаете, я вышлю ее по мессенджеру.

– Не возражаю, – покачал головой Ник.

Через минуту на смарт пришло две фотографии. На лицевой стороне простенькой визитки имя «Сандра Лекур» и номер телефона, на обратной от руки «Прошу вас, свяжитесь со мной. Это очень важно».

– Хм... – Ник поскреб подбородок, размышляя, что это все могло бы значить.

Молодая особа, дочь человека, с которым был дружен отец, хотела с ним встретиться, чтобы поделиться чем-то важным. История становилась все интересней. Заинтригованный, он набрал указанный на визитке номер. Долгое время никто не отвечал, затем чуть хрипловатый женский голос, пробивающийся сквозь шум оживленной улицы, произнес: «Я вам перезвоню через пару минут», – и в трубке послышались гудки.

Может, девушка была за рулем или ей было неудобно говорить. Положив телефон рядом, Ник снова повалился на спину на кровать. Он был немного разочарован, потому что подсознательно ожидал услышать нежный, волнующий голос молодой особы, а тут легкая прокуренная хрипотца на фоне навязчивых звуков забитой трафиком улицы. Провалившись в ожидании минут десять, послал девушке СМСку: «Это Николя Шерно. перезвоните». Почти тут же завибрировал смарт. В трубке тот же чуть хриловатый слабеющий голос:

– Месье Шерно. Помогите мне. Мне очень плохо.

– Как плохо? – опешил Ник. – Вы больны? Вызовите скорую помощь.

– Нельзя скорую помощь. Месье Шерно. Я должна вам что-то передать. Подберите меня на набережной Орсе. Там, на Сене, у Моста Инвалидов, небольшое кафе как раз напротив общественного туалета. Только торопитесь, – девушка отключилась.

– Твою мать, – тихо выругался капитан.

Вот так свидание напротив общественного туалета. А может послать все к черту и забуриться спать, а потом вечером обзвонить старых подружек, поужинать и устроить себе горячую ночку. Он посмотрел на широкую кровать, на бутылку шампанского в ведерке со льдом, потом перевел взгляд на смартфон. Что-то внутри него настойчиво толкало ехать на набережную Орсе к общественному туалету. Тем более,

что от его гостиницы до моста Инвалидов было минут десять на машине, не больше. Приняв решение, Ник позвонил консьержу, заказал Мерседес с шофером и уже через пятнадцать минут был на месте.

Кафешка располагалась на старой барже рядом с павильоном современного искусства. Четыре зонта. Десяток столиков. Почти все свободны. За дальним молоденькая девушка с опущенной головой. Около нее пара фликов³¹. Он достал смарт и набрал номер. Девушка за столом встрепенулась, потянулась к телефону, но офицер ее опередил и взял смарт. Шерно тут же сбросил звонок и, тихо выругавшись, направился к столу.

– Сандра, девочка моя, что с тобой? – импровизируя на ходу, спросил он, раскинув руки в притворном удивлении.

– Месье Шерно, – прохрипела она и уронила голову на грудь.

– Что здесь происходит? – обратился он к патрульным, продемонстрировав твердый командный голос.

– А вы, собственно, кто? – спросил старший.

– Никола Шерно. Друг отца этой девушки. Боже мой! Тебе плохо, – Ник потрогал ее за плечо.

– Эй-эй. Притормози, – полицейский бесцеремонно отвел его руку. – Документы есть?

Ник достал удостоверение личности Министерства обороны.

³¹ фр. жарг. «Flic» – полицейский.

– О... Месье капитан. Первый парашютный. Прошу прощения, – тон блюстителя правопорядка резко изменился, он подобрался и поправил пояс с обвесом. – Нас вызвал хозяин кафе. Девушка сидит тут с утра, ни на что не реагирует. Совершенно невменяема. Возможно, пьяна, но скорее всего, под наркотиками.

– Сандра, девочка моя, – Шерно присел перед ней на колени, взял ее руку в свои ладони. – Ты меня слышишь? Это я, Николя Шерно. Друг твоего отца. Что случилось?

– Месье Шерно, – она снова подняла на него глаза. Взгляд затуманен, зрачки сужены, губы посинели, пульс бешеный. Точно наркотик. – Мне плохо.

– Надо вызвать скорую, – предложил патрульный. – Мы пробили ее по базе. Залетов нет. Медстраховка, соцкарта в норме, так что помощь окажут. Судя по поведению и реакциям, обкурилась спайсом. Нужен детокс. Пусть врачи разбираются.

– Не надо скорую, – простонала девушка и снова уронила голову на грудь.

– Послушайте, ребята, – Ник встал и повернулся к полицейским. – Девчонку развезло конкретно, но опасности для жизни нет. Попадет к медикам, поставят на учет по наркоте – и конец карьере. Может, она просто на вечеринке случайно дури хватанула. Вы же сами говорили, что по базе залетов нет.

– Что-то рано она резвиться начала. Только отца похоро-

нила и сразу на вечеринку.

– Может, от горя, – Шерно сжал губы и посмотрел на девушку, чтобы полицейские не видели его удивленного лица. Оказывается, отец Сандры тоже умер недавно. – И все же. Я вас прошу. Давайте не будем ломать девчужке судьбу. Я остановился тут рядом. У кафе ждет машина. Я вполне могу ее у вас принять под свою ответственность.

– Где остановились?

– В Cheval Blanc. Десять минут отсюда. Девчонка отоспится у меня в номере. А я потом вам отзвонюсь, что все нормально.

– Cheval Blanc? – поднял брови старший. – А в Первом парашютном неплохо платят.

– Да какое там, – отмахнулся Ник. – Командировочные получил. Боевые. Три года в Мали.

– О! Мали. Уважуха, – со знанием дела покивал тот, что помладше.

– Ну раз командировочные... – полицейский неуверенно посмотрел на девушку. – Она ходить-то сможет?

– Сможет, – Шерно помог девушке встать и подхватил ее за талию. – Ну, девочка моя, соберись.

– Ладно, капитан Шерно. Под личную ответственность, – старший вручил ему телефон девушки. – И проведите с ней беседу о вреде дури. Один залет, а пятно на всю жизнь.

По дороге в отель Сандру начало тошнить. Ник вовремя попросил остановить машину и вывел ее к парапету Сены.

Там ее несколько минут рвало под укоризненными взглядами прохожих. После приступа стало легче. Капитан снова затолкал девушку в машину и, сунув водителю двадцать евро в обмен на пачку салфеток и бутылку воды, попросил быстрее доставить к гостинице.

В номере Ник затащил девушку в ванную, заставил выпить бутылку воды, потом, несмотря на молчаливое, но от этого не менее отчаянное сопротивление, засунул ей в рот небольшой кусочек мыла. Сандру тут же вырвало. После этого начался сильный озноб. Он уложил ее на кровать и накрыл одеялом. Через несколько минут, сжавшись в комок, подрагивая всем телом, девушка заснула.

Шерно вызвал консьержа и отправил его в аптеку с небольшим списком лекарств и витаминов для детоксикации и восстановления сил организма. Сам уселся в кресло напротив кровати. Некоторое время смотрел на спящую девушку, потом достал из кармана ее смарт и открыл фотогалерею. Пролистал десяток фоток. Ничего интересного, обычные девчачьи дела: селфи, друзья-подруги, веселые компашки, вечеринки. Он хотел найти фото Сандры с отцом, поэтому продолжал открывать страницу за страницей. Наконец на одной из фотографий он увидел девушку в компании подтянутого немолодого мужчины с жестким, несмотря на улыбку, взглядом и характерным армейским «ежином» седых волос. Скорее всего, их снимал официант, потому что они сидели обнявшись за столиком кафе.

«Наверняка отставной военный или полицейский. На вид лет шестьдесят. Рановато для смерти, как и моему отцу», – подумал Ник, рассматривая фотографию.

Остаток дня Ник провел в отеле. Ближе к обеду заказал в номер пару бутербродов и бутылку красного. Перекусил, устроился в мягком кресле в гостиной. Некоторое время перебирал каналы ТВ. Потом красное вино начало подсказывать организму, что неплохо было бы вздремнуть. Возражать не имело смысла. Не раздеваясь, он перебрался на диван и через пару минут уже мирно посапывал.

Проснулся от шума воды, идущей из примыкающей к спальне ванной комнаты. Глянул на часы. Скоро одиннадцать вечера. Сандра проспала почти восемь часов. Должно быть достаточно, чтобы отойти от дури. Протер лицо влажной салфеткой, бросил короткий взгляд в зеркало. Вид помятый, но наверняка свежее, чем у его гости. Прислушался. Девушка была в душе. Это хорошо. Значит, адекватность к ней вернулась. Также хорошим знаком было то, что она не вышла из спальни и не попыталась сбежать, пока он спал, а сразу пошла в ванную. Значит, помнит, что с ней произошло, и знает, где находится.

Минут через десять она вышла из ванной комнаты, застенчиво кутаясь в гостиничный халат. Удивленно осмотрела богатый интерьер спальни дорогого люкса, потом с видом побитой кошки взглянула на Ника.

– Месье Шерно, прошу прощения, что так все получи-

лись. Я думала встретиться с вами при других обстоятельствах, но у меня просто не было выбора. Спасибо, что помогли мне.

– Что произошло? – строго спросил капитан.

– Можно сначала немного еды. Я очень голодна, – она взяла со стола початую бутылку воды и залпом допила содержимое.

– Хорошо. Вижу, тебя надо привести в порядок. Меню румсервиса на письменном столе. Заказывай, что хочешь. Рекомендую большую яичницу с беконом и стакан молока. Белок – хороший адсорбент. Как раз то, что тебе сейчас нужно, – Ник встал, подошел к журнальному столику, где лежал пакет с лекарствами, который принес консьерж, выбрал несколько таблеток витаминов, легкий антидепрессант и пару капсул мильдония. Вернулся к девушке с новой бутылкой воды. – Выпей это. Поможет преодолеть отходняк.

– Спасибо. Я знаю, вы доктор. Отец говорил и показывал вашу фотографию. Я вам верю, – она бросила таблетки в рот и сделала несколько глотков воды.

– Пока несут еду, начинай рассказывать, что произошло.

– Я сама не знаю, как все так получилось, – Сандра нервно поежилась. – Я вечером пошла перекусить в кафе. Там ко мне подсел парень. Симпатичный такой. Обходительный. Мы познакомились, разговорились. Он тоже студент. Учится в Дидро³². И тоже занимается античной историей. С ним

³² Парижский университет имени Дени Дидро.

было интересно. Потом он пригласил меня в бар. А потом... Потом... – девушка всхлипнула и потянулась за салфеткой.

– Он тебя трогал? Ну... Лез целоваться, приставал или еще что.

– Нет. Вернее, не знаю. Не помню.

– Что вы пили? – нахмурился Ник.

– Он виски. А я какой-то коктейль.

– В баре сидели за столиком?

– Нет. У барной стойки.

– Ты отходила куда-нибудь?

– Да. В женскую комнату.

– И что? Вы пришли, сели за стойку. А дальше?

– Ну... Мы говорили о всякой ерунде. Об учебе, истории, о друзьях. О том, кто как перенес ковид. Потом меня как будто выключили. Ничего не помню. Очнулась ночью на парапете Моста Инвалидов. Вернее, за парапетом. Я, наверно, собиралась прыгнуть в воду. Но остановился таксист и за волосы меня оттянул, отвел на скамейку на набережной, вызвал скорую помощь и уехал. Я отползла в кусты и спряталась. Потом приехала скорая. Меня они не нашли и быстро уехали. Я очень испугалась. Потом я опять ничего не помню. Только то, что ужасно болела голова и хотелось пить. Утром я поняла, что могу ходить, и зашла в кафе на барже. Там я, наверно, заснула и хозяин вызвал полицию.

– Почему ты пряталась от скорой?

– Как почему? Меня ведь хотят убить. Отец перед смертью

говорил мне не лезть в это дело. Не копать, не вынюхивать. Предупреждал, что это опасно.

– Что опасно? Какое дело? – насторожился Ник.

– Ну... – начала было она, но раздался звонок в дверь. Ник открыл и увидел перед собой официанта с сервировочной тележкой, полной еды.

Следующие минут десять Сандра была занята двойной яичницей с беконом и колбасками, корзинкой с тостами и большой розеткой джема. Иногда она делала паузу, прислушивалась к ощущениям и, убедившись, что организм принимает пищу без возражений, снова принималась жадно поглощать ужин. Капитан сидел напротив с бокалом вина и наслаждался этим необычным зрелищем. Нечасто увидишь юную особу, демонстрирующую такой аппетит во время всеобщего помешательства на диетах.

Наконец она допила стакан молока, довольно икнула и потянулась за чашкой кофе.

– Э, нет. А вот кофе тебе сейчас нельзя, – остановил ее Ник. – У тебя итак нагрузка на сердце была, как у олимпийца. Дай ему время восстановиться. Вот тебе водичка, и продолжим. Так о каком деле и о какой опасности говорил твой отец?

– Папа, – она тяжело вздохнула и посмотрела в окно грустными глазами. – Понимаете... Мой папа дружил с вашим. Работали они в одной серьезной лаборатории типа Национальный институт сельхоз-всякой-крутой-фигни. Все вроде

шло нормально. Но когда полтора месяца назад умер ваш отец...

– Как полтора месяца? – чуть не поперхнулся вином Ник. – Я получил письмо три дня назад и сразу сюда.

– Так, полтора, – спокойно ответила она. – Приехал из командировки и через неделю заболел.

– Из какой командировки? Куда ездил?

– Не знаю. Короче... Полтора месяца назад умер ваш отец. Месяц назад – еще трое ученых из его лаборатории. Тогда мой папа не поверил, что это ковид, и начал служебное расследование. Он был начальником службы безопасности лаборатории. Он рассказывал, что накопил много нарушений, правда, не уточнял каких. Потом к нему приехал какой-то журналист из Скандинавии. Он вел частное расследование по фармкомпаниям. Но, я так поняла, встретиться они не успели. У отца случился сердечный приступ. Сердечный приступ у отца – это полная хрень. Он пять кмэ пробежал на одном дыхании, два раза в неделю занимался в тренажерке. Два раза лазертаг³³ со своими бывшими сослуживцами, а там тоже нагрузки ого-го. Так что в плане здоровья старик даст фору многим молодым парням. Конечно, любил иногда посидеть за бутылочкой вина с друзьями. Но сердце было в порядке. Я у врачей в медкарточке проверяла.

– То есть официальная причина смерти – сердечный при-

³³ Командная военно-тактическая игра с использованием безопасного лазерного оружия и сенсоров, фиксирующих попадания.

ступ?

– Да, – грустно вздохнула Сандра. – У него сердечный приступ, а у вашего отца и трех других ученых осложнения хронических заболеваний на фоне ковида. Мне папа еще тогда сказал, что это странно, потому что все привиты и переболели. Вот он и начал копать.

– Что еще интересного говорил отец?

– Говорил, что в лаборатории есть закрытая секция. Там типа все секретно. В ней как раз и работал месье Шерно. Говорил, что там, в этой секции, не все чисто. Говорил, что ваш отец в последнее время чувствовал вину, раскаивался и хотел что-то изменить. Но вот что, не сказал. Не успел, или не хотел, или побоялся. Он чувствовал опасность и меня предупреждал. Но я, как дура, начала всех расспрашивать о его смерти, ходить по врачам, в полицию, требовать дополнительной экспертизы. А вчера ко мне подсел этот парень. А потом я очухалась на парапете Моста Инвалидов. Я сразу поняла, что меня тоже планируют убить. Поэтому и не хотела в больницу или в полицию. Они все заодно.

– Ты действительно думаешь, что твоего отца убили?

– А как же еще? Здоровый крепкий мужчина умирает от инфаркта. К тому же он говорил, что в лаборатории не все чисто, что там творится всякая секретная фигня.

– Да... История, – задумчиво проговорил капитан. – А контактов того журналиста, что приезжал к отцу, не осталось?

– Нет. Только знаю, что он работал на WikiLeaks³⁴.

– Что-нибудь еще? Со мной-то зачем хотела встретиться?

– Перед самой смертью ваш отец попросил моего передать вам письмо, – она достала из заднего кармана джинсов сложенный вдвое, основательно затертый конверт. – Извините. Он немного помялся в кармане. Я давно его ношу с собой. Дома оставить боялась. Думала, там что-то очень важное. Может, даже разгадка всех тайн.

Ник осторожно взял конверт, вскрыл и достал из него фотографию. Солнце. Море. Счастливая семья – папа, мама и сияющий от счастья маленький Николя с огромным белым хохлатым попугаем на плече.

* * *

Ночь прошла беспокойно. Капитан уложил Сандру спать, сам прилег на диван и в темноте долго смотрел в украшенный витиеватой лепниной потолок. Сон не шел. В голове, сплетаясь в замысловатые клубки и снова распадаясь на отдельные нити, крутились разные, порой совсем не связанные друг с другом мысли.

Отец умер полтора месяца назад. Но он узнал об этом недавно. Почему? Что за секретная секция в гражданской лаборатории при Министерстве сельского хозяйства? Какова истинная причина смерти? Почему тело кремировали, а

³⁴ *Международная некоммерческая организация, которая публикует секретную информацию, полученную из анонимных источников или в результате утечек.*

не похоронили по православным традициям? Что отец хотел сказать фотографией с белым попугаем?

Вопросов много. Ответов нет. И ощущение какое-то странное. Как перед боевым выходом с патрульной группой в опасную зону. Обостренное чувство опасности, ожидание действия, готовность принять вызов. И адреналин. Да, адреналин. Именно он не дает заснуть.

Взглянув на часы, Ник сел, размял плечи и шею. Было около двух ночи. Самое время прогуляться. Набросив легкую куртку, он вышел из отеля и пошел вдоль Сены по пустынной набережной Лувра в сторону Моста Инвалидов.

А если девчонка права? Что если все эти смерти неслучайны и ее тоже попытались убить, когда она начала копать. Отсюда и инстинктивное чувство опасности, и выброс адреналина. Бред. Какие тайны могут быть в сельхозлаборатории? Тем не менее, по словам Сандры, там была секретная секция.

Прогулочным шагом он прошелся пару километров до Моста Инвалидов, остановился и на миг представил девушку стоящей на внешней стороне парапета, готовой броситься в воду. А что. Идеальное убийство. Незнакомец подсыпал в коктейль галлюциногенный психотроп, отвел на мост и оставил. Сам отошел и наблюдал издали. Если девчонка бросится в воду, то наверняка утонет. И никаких вопросов. Пару недель назад похоронила отца. Стресс, депрессия, наркотик, тяга к суициду. Все выглядит естественно.

Ник опасливо оглянулся. В этот поздний час набережная и идущая вдоль нее дорога были пусты, только у пирса стояло несколько прогулочных корабликов. Он облокотился на парапет и посмотрел на темную гладь воды, в которой колышущимися столбиками отражались стоящие на противоположном берегу фонари.

А теперь вопрос. Стоит ли ему ввязываться в эту темную историю. Если опасения Сандры окажутся правдой, то он тоже попадет под удар неведомых, но, похоже, очень влиятельных сил. А ему это надо? Все ведь пока складывается на удивление неплохо. Еще вчера он был на распутье и размышлял о том, что этап его жизни, связанный с Первым парашютным, закончен и теперь его ждет неизвестность в мире, который за последние три года стал гораздо менее дружелюбным. Чувствовал Ник себя уверенно. Трудностей не боялся. После службы у него были кое-какие сбережения. Он знал, что ковид никуда не делся и в любой момент может появиться еще один штамм, который поставит всех на уши, а не ковид, так еще что-то. Вон СМИ уже вовсю пишут про обезьянью оспу. Новая пандемия может накрыть мир в любой момент, поэтому он как медик всегда будет востребован. Оставался вопрос, хочет ли он сутками сидеть в стационаре и потеть в СИЗ³⁵, ухаживая за умирающими больными за мизерную зарплату.

Но этот вопрос стоял сутки назад. К вчерашнему вечеру

³⁵ СИЗ – средства индивидуальной защиты.

он уже был решен. Теперь он может жить в комфорте, не задумываясь о зарплате, потому что отец оставил ему в наследство квартиру в центре и солидный счет в банке. Отец, которого он все эти годы игнорировал, обеспечил ему безбедную жизнь. А еще старик, словно пытаясь подвести его к чему-то, посылал из прошлого какие-то странные сигналы, оставлял не понятные пока зацепки.

Пока не понятные. Ник развернулся и зашагал в сторону отеля. Нет. Разбираться во всем этом он не будет. Но если зацепки, оставленные его отцом, приведут к чему-то конкретному, то тогда может быть...

Наутро он покормил Сандру завтраком. Успокоил насчет того, что все пытаются ее убить, но тем не менее посоветовал не встречаться с незнакомцами и чаще быть на виду, с друзьями. Может на время переехать к ним или пригласить подругу к себе. Девушка выглядела гораздо лучше, посвежела, в глазах появился блеск и даже озорное любопытство. Еще бы, она оказалась в компании с молодым симпатичным боевым офицером и не просто, а служившим в элитном спецподразделении в далекой и опасной Африке, защищая интересы Франции.

Улыбнувшись про себя, Ник пожелал ей удачи, сказал звонить, если понадобится помощь, и выпроводил из номера от греха подальше. После того как девушка ушла, он нашел в сети координатора WikiLeaks во Франции и спросил, не приезжал ли кто из их скандинавских журналистов в Париж в

последние два месяца. Тот ответил, что выяснит, взял адрес электронной почты, и на этом разговор закончился. Затем капитан вызвал такси и без звонка поехал к душеприказчику, который оформлял завещание отца.

У нотариуса как раз был посетитель. Проигнорировав возмущенного ассистента, Ник вошел в кабинет и, уперев кулаки в рабочий стол, угрожающе навис над испуганным стариком.

– Почему вы мне не сказали, что отец умер полтора месяца назад? – грозно сдвинув брови, спросил он.

– Месье Шерно! Что вы себе позволяете? Вы же видите, я занят. У меня клиент, – испугавшись такого неожиданного напора, пролепетал нотариус.

– Я задал вопрос! – капитан повысил голос и придвинулся ближе.

– О боже! Только не надо скандалов, – нотариус извиняясь посмотрел на опешившего от этой сцены клиента. – Я вас прошу, побудьте в моем кабинете пару минут, пока я улажу недоразумение с этим молодым и весьма невоспитанным человеком, – он поднялся с кресла и, стараясь держаться на безопасном расстоянии, обратился уже к Нику: – Пойдемте, я вам все объясню.

Когда они зашли в комнату переговоров, пришедший в себя старик возмущенно вздернул подборок и заявил:

– Это верх неприличия – являться сюда без звонка, да еще врываться ко мне в кабинет, когда я работаю с клиентом.

– Почему вы мне не сказали, что отец умер полтора месяца назад? – настойчиво повторил свой вопрос капитан.

– Боже мой! Да потому, что это очевидно, – всплеснул руками нотариус. – На медицинском свидетельстве о смерти вашего отца стоит дата, на документах о кремации тоже.

– Да? – немного растерянно проговорил Ник, понимая, что внимательно не читал ни тот, ни другой документ.

– Да! – язвительно передразнил его старичок.

– Тогда почему вы прислали мне письмо о его смерти только несколько дней назад?

– Потому что такова была воля месье Шерно. Об этом у меня в досье сохранилось подтверждение в виде собственноручно написанного им поручения. Предъявить?

– Странно, – капитан задумчиво помял подбородок и опустился на стул. – Почему он так поступил?

– Вот этого я вам сказать не могу. В мотивах вашего покойного отца разбирайтесь сами. И, будьте любезны, делайте это в другом месте, – нотариус с видом победителя показал пальцем на дверь.

– Конечно, – смущенный своей бестактностью, Ник поднялся со стула. – Прошу прощения. Я все еще никак не могу привыкнуть к потере отца. Возникает столько вопросов.

– Ладно, месье Шерно. Забудем об этом досадном инциденте. Я делаю вам скидку на то, что вы три года провели вдали от цивилизации, в армии, где, мягко выражаясь, манеры далеки от совершенства. Но в следующий раз без звонка

ни-ни. А еще лучше ждите, когда я вас вызову сам, чтобы уладить формальности с наследством.

После разговора с нотариусом сбитый с толку новой информацией Ник добрел до ближайшего кафе и заказал себе большой капучино. Отец снова подкинул ему фрагмент пазла. Беда в том, что он никак не мог сложить их в целостную картинку. Зачем понадобилось затягивать с сообщением о смерти на полтора месяца. Чего опасался или чего ждал старик? Он достал смарт и открыл на новостном агрегаторе ленту событий за последние два месяца. Большая ее часть была забита сообщениями о войне на Украине. Затем шла подборка о растущих ценах на энергоресурсы, еду, набирающей обороты инфляции и надвигающемся на Европу из-за санкций против России экономическом кризисе. В конце списка почти не заметной оставалась возня вокруг прошедших в апреле президентских выборов. Ни одна из этих новостей, взятая отдельно или в сочетании с другими, не объясняла действий старика.

Пытаясь разобраться в отцовских намеках, он неспеша допил кофе и рассчитался. Потом вызвал такси и отправился в отель. Пришло время нанести визит в доставшуюся ему по наследству квартиру.

На подъезде к Cheval Blanc смарт просигналил, что на почту пришло несколько сообщений. Парижский филиал WikiLeaks нашел журналиста, который приезжал для встречи с отцом Сандры, но оказалось, что тот пару недель на-

зад погиб в автокатастрофе. Еще одна странная смерть в цепочке трагедий. В следующем сообщении был французский контакт, с которым в паре работал фрилансер³⁶.

Ник попросил такси подождать у отеля, поднялся в номер, чтобы взять из коробки ключи от квартиры и машины, оставленные ему отцом. Через двадцать минут он уже был на улице Манен и с интересом разглядывал пятиэтажное здание послевоенной постройки, адрес которого был указан в завещании. На двери подъезда в блоке индивидуальных звонков домофона еще сохранилась медная пластинка с акkuratной гравировкой «Denis Chernov. Directeur de recherche INRSTEA»³⁷.

Квартира находилась на третьем этаже, как раз выше уровня растущих внизу роскошных лип. Из нее открывался шикарный вид на парк Бют-Шомон – единственный крупный клочок зелени в центре Парижа. Если раньше Ник оценивал эту недвижимость на уровне полумиллиона евро, то сейчас из-за расположения на тихой, закрытой для постороннего движения улочке и великолепного вида ее стоимость могла значительно превышать миллион, даже несмотря на относительно небольшую площадь, чуть не дотягивающую до ста квадратов.

³⁶ Здесь – независимый журналист.

³⁷ *Institut National de Recherche en Sciences et Technologies pour l'environnement et l'agriculture* – Национальный институт исследований в области науки и технологий для окружающей среды и сельского хозяйства.

Судя по поддерживающим аркам, оставшимся на месте несущих стен, когда-то это была трехкомнатная квартира, но довольно давно ее перепланировали в просторную светлую студию³⁸. Справа от входной двери находился встроенный шкаф для одежды. За ним за решетчатой перегородкой с пустыми горшками для цветов – крохотная кухонька, отделенная от жилого пространства барной стойкой. Дальше – гостиная зона с диваном, парой кресел, журнальным столиком и большой, но по виду довольно старой плазмой³⁹ на стене. По обеим сторонам от нее – пара стоек с вазами, книгами и фотографиями. Слева от двери в глубине – огромная двуспальная кровать и платяной шкаф вдоль стены. Похоже, здесь давно никто не жил. Все покрыто слоем пыли, электричество на щитке отключено, регуляторы отопления поставлены на минимум.

Ник медленно обошел свои новые владения, сдул с пальцев пыль, остановился у окна и долго смотрел на раскинувшийся внизу парк. Если здесь привести все в порядок, поменять мебель, сделать освежающий ремонт, то получится идеальное гнездышко для жизни. Этим в ближайшее время как раз и стоит заняться.

Довольный увиденным, он оторвался от окна и подошел

³⁸ *Квартира без перегородок, выполненная в концепции открытого пространства.*

³⁹ *Плазменный телевизор. Технология основана на свечении люминофора под воздействием ультрафиолетовых лучей, широко использовавшаяся в производстве мониторов в первом десятилетии XXI века.*

к стойке с книгами. Подборка старой научной фантастики и современные издания по микробиологии и биохимии. На верхней полке на уровне глаз – несколько фотографий в рамках. Одна сразу бросилась в глаза.

Опять! Солнце, море, счастливая семья и улыбающийся маленький Николя с белым хохлатым попугаем на плече.

Он протянул руку, чтобы взять ее, но что-то показалось ему странным. Присмотрелся. Даже невооруженным взглядом было видно, что все рамки покрыты пылью. Все, кроме одной с белым попугаем. Чувствуя, как учащается пульс, Ник взял семейное фото, присмотрелся, перевернул, прочитал дату и место на обороте. Здесь должен быть какой-то подвох. Возможно, именно к этой фотографии и планировал привести его отец. Но что он хотел сказать?

Пару минут капитан вертел фото в руках, но, так и не найдя ничего необычного, сунул рамку в карман куртки, для того чтобы вернуться к ней в отеле в более спокойной обстановке.

Следующим в его плане был поход в подземный гараж.

Новый и по виду совсем неезженный Рендж Ровер стоял на своем парковочном месте. На электронный ключ машина не реагировала. Пришлось открывать дверь обычным ключом. Индикаторы на панели не подавали признаков жизни. Открыв капот, Ник нашел причину. Оказалось, отец отсоединил аккумулятор. После беглого осмотра он остался доволен. И снаружи, и изнутри тачка была в отличном состоянии

и еще сохранила заводской запах свежей кожаной отделки.

Тихо прошептав отцу «спасибо», он выбрался из гаража и вызвал такси. Всем этим он будет заниматься позже. Сейчас ему надо закончить дела с Первым парашютным, а для этого надо прибыть в штаб, который находился на базе полка в Байонне, небольшом городке на берегу Бискайского залива на границе с Испанией.

Добравшись до отеля, Ник быстро перекусил в лобби-баре и поднялся в номер, полный решимости окончательно разобраться в истории с фотографиями. В гостиной он устроился за письменным столом и выложил перед собой все три снимка. Один – из коробки с вещами отца, которую получил от нотариуса, другой – тот, что передала Сандра, и, наконец, рамку из своей студии на улице Манен. Все были сделаны с одного негатива и, судя по цветовым оттенкам и качеству бумаги, явно в одной фотомастерской. Подумав немного, капитан перевернул фотографии, чтобы повнимательнее рассмотреть обратную сторону. Только на рамке была написана дата, остальные были девственно чисты.

Понимая, что детектив из него никакой, он отвалился на спинку стула и разочарованно вздохнул. В этот момент в номер позвонили. В дверях стояли двое невзрачного вида незнакомых мужчин в джинсах и коротких плащах.

– Месье Шерно? Я инспектор полиции Первого округа⁴⁰.

⁴⁰ *Центральный административный район Парижа, где расположен пятизвездочный отель Cheval Blanc Paris.*

У меня к вам несколько вопросов, – сказал один из них и, не спрашивая разрешения, вошел в номер. – Если можно, вначале ваши документы.

Удивленный этим странным визитом Ник показал служебное удостоверение Министерства обороны. Полицейский внимательно его изучил, затем передал помощнику, который отсканировал встроенный биометрический чип и QR-код.

– Месье Шерно, позволите? – инспектор качнул головой в сторону кресла.

– Конечно. Проходите, – спохватился капитан.

Когда они расселись у журнального столика, помощник достал из кармана плаща фотографию.

– Вам знакома эта девушка?

– Да. Это Сандра Лекур, дочь друга моего отца, – ответил Ник, почувствовав внутри неприятный холодок. – Что случилось?

– Насколько часов назад Сандра Лекур найдена мертвой в своей квартире.

– О боже! Что произошло?

– Мы пока не знаем. Причина смерти уточняется. О смерти сообщила ее подруга, с которой они договорились о встрече. В базе данных патрульной службы есть запись об инциденте, произошедшем вчера днем у Моста Инвалидов. Хозяин кафе вызвал наряд из-за того, что одна посетительница вела себя невменяемо. Посетительница была идентифи-

цирована как Сандра Лекур. Затем на место приехали вы и приняли девушку под свою ответственность. Мы бы хотели знать, что произошло дальше?

Сбитый с толку этим известием, капитан подробно рассказал о времени, проведенном девушкой в его номере. Сон, ужин, лекарства, снова сон, завтрак, утром короткое «до свидания» и пожелание быть осторожной и держаться подальше от дури. Инспектор попросил показать таблетки, которые из ближайшей аптеки доставил консьерж. Без особого интереса посмотрел на упаковки и, заявив, что забирает все на экспертизу, снова обратился к Нику:

– К вам претензий нет, месье Шерно. Мы отследили перемещение Сандры Лекур после того, как она покинула ваш номер, равно как и ваши передвижения по городу. Вы нигде не пересекались и не контактировали друг с другом. Ушла она от вас в хорошем настроении и добром здравии. Это подтверждает и таксист, и подруга, и еще пара человек, с которыми она разговаривала. Так что мой визит – простая формальность. И все же. Поскольку вы последний человек, общавшийся с ней длительное время, нет ли у вас зацепок, способных помочь следствию? Может, она что-то вам рассказывала. На что-то намекала. Кого-то опасалась.

Ник уже раскрыл было рот, чтобы поведать инспектору историю со странным свиданием с парнем, который подсыпал девушке в коктейль психотроп, про опасения насчет причин смерти отца и чувства угрозы ее собственной жизни,

но что-то его остановило. Слишком много странных смертей скопилось вокруг лаборатории, в которой работал отец. Ему сейчас стоило быть максимально осторожным. Если полицейским надо, они отследят движения девушки за последние дни по телефону и найдут тех, с кем она общалась. Вместо этого он просто сказал, что у нее был серьезный стресс после смерти отца.

Задав еще пару вопросов о состоянии Сандры, инспектор оставил визитку со словами «звоните, если появится новая информация», затем вместе со своим молчаливым напарником покинул номер.

Пораженный печальной новостью капитан опустил в кресло и долго смотрел в окно на пасмурное парижское небо. Он почему-то чувствовал себя виноватым в гибели девушки. Возможно, причиной ее смерти как раз и была загадочная фотография с белым попугаем.

Встряхнувшись, Ник снова перебрался за письменный стол, где картинкой вниз лежали три снимка из далекого и почти забытого детства. Где же отец оставил зацепку. Может, дата на рамке? Но число, месяц и год ни о чем не говорили. Он даже не помнил, когда они ездили на море. По виду ему было лет пять. Но, судя по дате, снимок был сделан на пять лет позже. Очевидная нестыковка. Когда ему было десять лет, мама уже погибла в автокатастрофе, а он находился в приюте. Явное несовпадение. Значит, отец что-то хотел ему сказать.

Боже, как все сложно. Капитан повертел рамку в руках. Потом вышел в спальню, порылся в чемодане, где лежала военная форма, и достал мультитул, который по армейской привычке всегда возил с собой. Вернулся за стол. Аккуратно отсоединил крепления картонной подложки, прижимающей фото к стеклу, осторожно извлек фотографию, посмотрел на обратную сторону и замер, затаив дыхание от неожиданной находки. В правом верхнем углу снимка прозрачным скотчем была приклеена крохотная карта памяти.

Капитан тихо выругался и с видом неопытного воришки оглянулся по сторонам, словно опасаясь, что за ним могут наблюдать. Потом, не тронув карту, вставил фотографию на место в рамку и, прижав ее картонной подложкой, вернул крепления на прежнее место.

Пи-пек, как все оказалось серьезно... Отец вместе с наследством передал ему какую-то важную информацию. Настолько важную, что из-за нее уже не первый месяц гибнут люди. Ему вдруг вспомнилась Сандра, совсем юная наивная девчушка, недавно потерявшая отца и проникшаяся страхом за свою жизнь. Выходит, не напрасно. Что такого важного хранится на карте, если за ней тянется шлейф из трупов? И кто за всем этим стоит? Явно не сельхозлаборатория.

Ник вдруг почувствовал себя шпионом. Ощущение было не из приятных. Сразу показалось, что шикарный люкс дорогого отеля напичкан скрытыми микрофонами и камерами, внизу на улице стоит неприметный фургончик с группой

захвата, а на крыше стоящего через реку здания его в прицел рассматривает снайпер, хладнокровно выбирая свободный ход курка перед выстрелом.

Отбросив леденящее душу наваждение, он потрянул головой.

Так. Надо успокоиться. Ну какой он, нахрен, шпион. Он вообще ни при чем. Ничего не знает об отцовских делах и не хочет в них вмешиваться. Он обычный богатый счастливый парижанин, обладатель студии в престижном районе, дорожкой тачки и солидного счета в банке, оставленных отцом после смерти. Вот именно – оставленных отцом...

Черт подери, какая же он малодушная дрянь.

Отец, которого он почти не знал, обеспечил ему безбедное будущее, придумал хитроумную комбинацию, чтобы карта памяти попала к нему в руки, надеясь на то, что его неблагодарный сыночек ее хотя бы прочитает. Потому что это очень важно. Потому что из-за хранящейся там инфы, возможно, и погиб отец, и его коллеги, и отец Сандры, и сама Сандра, и тот неизвестный журналист из Скандинавии. А он, боевой офицер Первого парашютного, ведет себя, как последний слюнтяй.

ТЬфу! Капитан раздосадованно сплюнул прямо на пол, сгреб со стола фотографии, прошел в спальню и аккуратно упаковал их на дно чемодана.

Нет. Хотя бы из уважения к старику и в знак благодарности за наследство он вскрыет карту и просмотрит, что там на

ней такого секретного. Но сделать это надо так, чтобы те, кто за ней охотятся, ничего не узнали. Он бросил скептический взгляд на свой смартфон. Им пользоваться нельзя. Аппарат наверняка под контролем контрразведки полка. Это стандартная практика. Но ничего. Он найдет выход. И сделает это уже завтра.

От принятого решения на душе сразу стало как-то легче. Ник вдруг вспомнил, что с утра ничего не ел, и почувствовал себя чертовски голодным. Он спустился в ресторан заказал плотный ужин и бутылку хорошего красного. Для бодрости духа и, чтобы лучше спалось. Желательно без снов, глупого чувства вины и шпионской паранойи. Потому что утром его ждал рейс в Байонну. Там, в Первом парашютном, он должен оформить досрочное завершение контракта.

Франция. Байонна

Еще в Мали Ник решил, что полетит в Байонну из Парижа на самолете. Пилить на юг больше семисот километров на поезде или на машине он посчитал бесполезной тратой времени. Теперь билеты на внутренний рейс оказались очень кстати. Он где-то слышал или читал, что самолет в плане отслеживания извне действий на мобильном устройстве одно из самых сложных мест. Значит, на борту он и вскрыет информацию отца так, чтобы это оставило минимум следов.

После сектора контроля багажа в Орли⁴¹ он зашел в бутик электроники и купил дешевый китайский смарт, в котором был слот для карты памяти. После взлета удобно устроился в почти пустом салоне бизнес-класса, принял от стюардессы бокал игристого и, откинув столик, выложил на него свою покупку. Повозившись пару минут, он активировал аппарат через локальный WiFi, вставил карту памяти в слот, быстро установил настройки и открыл папку управления файлами. Как и ожидалось, карта была запаролена. Тихо выругался. Сделал глоток вина и задумчиво посмотрел в окно. Потом, понимающе хмыкнув, ввел в окошко пароля дату, которая была на рамке с фотографией. Файл открылся. Здесь отец не очень заморачивался. Подсказка находилась на самом вид-

⁴¹ Один из парижских аэропортов.

ном месте.

Папка содержала всего один текстовый файл.

«Дорогой Николая,

я совершил в жизни две главные ошибки. Первая – это то, что не смог сохранить нашу семью. Не смог дать вам с мамой достаточно солнца, моря и счастья, как на фотографии. За это я был наказан одиночеством и приступами жестокой тоски, от которой не спасала даже работа. Вторая ошибка еще более ужасная. Я, возможно, стал причиной гибели в недалеком будущем сотен миллионов или даже миллиардов людей. Из-за меня может измениться сам ход человеческой истории. Это жутко, трагично и невыносимо больно. Мысль о глобальном геноциде, который разразится по моей вине, пожирает меня изнутри. Она не дает мне спать. Она сводит с ума. Я слишком поздно понял, что натворил. Слишком поздно осознал, в чьих руках оказалось мое кошмарное детище. Молить Бога о прощении бессмысленно. Моим грехам прощения нет. У меня есть только одно утешение: нелюди, на которых я работал, не оставят меня в живых. Вскоре я предстану перед творцом и получу по заслугам.

Но у меня есть и надежда. Это ты, мой дорогой Николая. Мой маленький мальчик, жизнь которого я разрушил своими непомерными амбициями. У тебя есть шанс сохранить миллиарды человеческих жизней, остановить сумасшедших маньяков и спасти историю рода человеческого. Если ты готов, ты исправишь мои грехи и проживешь оставшуюся

жизнь, чувствуя себя спасителем людей, даже если об этом никто не будет знать. Если ты не готов, я тебя не виню. Живи. Наслаждайся. Наблюдай за тем, как лет через семь мир начнет пожирать адская чума, от которой нет и не может быть лекарства, и наступит зомби-апокалипсис, который уже нельзя будет остановить.

Решение за тобой, мой маленький Николя. Ты можешь удалить это письмо или читать дальше.»

Вот дерьмо. Ник взял бокал с игристым и отвернулся к окну. Похоже, что старик конкретно съехал с катушек. Судя по наградам и номинациям, он был крутым биохимиком, хотя и работал во второсортной лаборатории при Минсельхозе, пусть даже и в секретной секции. Но что там такого он мог изобретать, чтобы погибли миллиарды. Чушь.

Хотя... Если это чушь, то что стало причиной непонятных смертей вокруг отца. Случайность? Вряд ли. Значит, что-то во всем этом есть. Движением пальца по экрану он перелистнул страницу и продолжил читать.

«...Если ты все же решишься остановить это безумие, то знай. Если ты обратишься к правительству, ты погибнешь. Если ты обратишься к журналистам, погибнешь ты и погибнут они. Если ты обратишься в ООН, погибнешь ты и те, к кому ты обратился. Все, кому ты расскажешь о чуме, умрут. Я знаю только одну силу, способную тебе помочь, – это русские. Беда в том, что и там ты можешь найти свою смерть. Потому что не все русские теперь по-настоящему русские.

Поэтому, Николя, если ты вдруг захочешь спасти мир, тебе надо будет найти правильных русских. А если нет, то наслаждайся жизнью, пока есть такая возможность.»

– Охренеть... – вслух пробормотал капитан.

Русские, мать их, захватчики, агрессоры, напали на Украину. Они – потенциальный противник Франции и НАТО. Из-за них в Европе цены, инфляция и долбаный кризис. С какой стати старик видит в них спасителей? Это вообще за пределами понимания. Ник в недоумении пожал плечами.

Письмо заканчивалось точными GPS-координатами. Поисковик на карте показал локацию – Лионский вокзал Парижа. Капитан вывел на экран схему. Увеличил. Точка указывала на зал № 3 рядом с выходом на улицу Де Берси. Что там может быть? Просмотрел еще несколько схем. На одной из них в месте координат стоял значок камеры хранения.

Отец, видно, не читал шпионских романов, если почти открытым текстом указывал на место тайника. Впрочем, Ник тоже не читал. То, что он все же сумел найти карту памяти, казалось ему невероятно большой удачей. Здесь они со стариком были на равных. Два любителя, которые, возможно, столкнулись с хорошо отлаженной и беспощадной организацией, проводящей какую-то глобальную тайную операцию. Что это может быть? Ковид? Но пандемия, несмотря на истерию, сошла на нет, по уровню опасности сравнявшись с гриппом. Какая-то новая болезнь? Но он, доктор, очень смутно представлял себе вирус, способный выкосить милли-

арды. Хотя кто его знает, что сейчас варится в американских лабораториях. А в том, что там что-то варится, он был совершенно уверен. И причем здесь зомби-апокалипсис? Здесь отец уж точно перебрал.

Ну что ж. Ник сделал знак стюардессе, чтобы она принесла еще бокал игристого. Придется проверить, что лежит в отцовской закладке. Может, ее содержимое внесет ясность в эту туманную историю. А то и правда придется жить в ожидании нашествия зомби. Старик нагнал такой жути, что даже боевому капитану Первого парашютного стало не по себе.

С другой стороны. Через пару часов он уже будет капитаном запаса. Свободным гражданским человеком с кучей денег и минимумом забот.

Самолет пошел на снижение. Ник выключил купленный в Орли смарт. Достал карту памяти, вынул батарейку, все тщательно протер салфеткой, чтобы не осталось отпечатков, сложил все в находящийся в кармане сидения напротив санитарный пакет и засунул его в небольшую дорожную сумку. Он выбросит ненужный аппарат в урну на выходе. А карту сожжет при первой же возможности. То, что он прочитал сообщение отца в самолете, никто знать не должен.

* * *

Лет тридцать назад Первый парашютный был полноценным полком. Но после завершения колониальных войн в Северной Африке командование решило перейти на ставшую модной в НАТО бригадную структуру. Полк был фактиче-

ски сведен до уровня батальона, состоящего из пяти рот, и вошел в состав бригады сил специальных операций. Тем не менее название «полк», как и символику, было решено оставить в знак уважения к славным традициям.

А еще в Первом парашютном остался полноценный полковой штаб с неимоверно раздутым штатным расписанием. Такое решение было проведено специальным приказом Минобороны для того, чтобы дать возможность изнеженным сыночкам политиков и генералов в начале своего резюме написать строку о прохождении воинской службы в легендарном спецподразделении. В большинстве случаев, если, конечно, отпрыск не был стопроцентным дебилом, это давало неплохой толчок для начала успешной политической карьеры. И пусть «спецназовец» провел три года в чистенькой канцелярии под жужжание мух, оцифровывая архивные документы, и всего пару раз в году держал в руках оружие, по результату он все равно принадлежал к элите французской армии. Такая порочная практика привела к тому, что в полку осталось всего две боевые роты и целые три роты обеспечения и поддержки. Ну и своя медслужба, к которой был приписан Ник.

В штабе дежурный попросил капитана подождать, потому что с ним хотел лично поговорить комполка. Тот освободился минут через двадцать и пригласил в свой обставленный дорогой мебелью кабинет.

– Капитан Шерно! Я хотел бы лично поблагодарить вас за

безупречную службу в Первом парашютном. Франция гордится такими офицерами, как вы, – не без пафоса провозгласил полковник. Он поднялся со своего кресла и вышел навстречу, чтобы пожать ему руку, затем вернулся к столу и взял листок бумаги. – За два года – семнадцать выходов на боевые миссии и в составе патрулей. Десятки случаев оказания экстренной помощи. Самые лучшие рекомендации от коменданта базы в Госси. Но. К сожалению, времена сейчас сложные. Франция сворачивает многие миссии за рубежом и оптимизирует структуру своих вооруженных сил, чтобы подготовить ее к новым вызовам, которые бросает нам Россия. Поэтому Министерство обороны вынуждено прервать с вами контракт.

– Понимаю, господин полковник, – по-военному четко кивнул Ник. – Мне комендант Госси уже сообщил о возможном решении.

– Вот и хорошо. Но прежде чем мы расстанемся, я хотел бы сообщить вам следующее. Ваш контракт заканчивается только в сентябре. Прерываем мы его на четыре месяца раньше по инициативе Министерства обороны. Весь оставшийся срок вы будете получать стандартную зарплату, положенную капитану сил специальных операций, проходящему службу на территории Франции. После даты окончания контракта вам будет начисляться половина от этой суммы в течение полугода. Кроме того. За безупречную службу вы награждаетесь Медалью Заморских Территорий и Медалью

за Ранение в Бою, которое вы получили в последний день вашей командировки, попав под обстрел вражеского ПЗРК. Вам также вручается почетная грамота и специальная рекомендация Министерства обороны, которая значительно облегчит поиск работы, – полковник взял со стола две лакированные коробочки и с торжественным видом прикрепил награды к кителю Ника на уровне кармана.

– Спасибо, господин полковник. Служу Франции и Первому парашютному, – браво козырнул капитан.

– Это еще не все. От Первого парашютного и от меня лично за безупречную службу примите эти именные часы, – комполка взял со стола еще одну коробочку с Туре 13 от Dodane⁴² и, крепко пожав руку, протянул ее Нику. – Носите их с гордостью, капитан.

– Я буду дорожить этим подарком, – снова кивнул тот.

– И еще... – глаза полковника чуть сузились. Казалось, он пытался разглядеть во взгляде Шерно что-то, что до сих пор от него ускользало. – Я знаю о трагедии с вашим отцом. Вирус во Франции унес многих достойных людей. Хотите совет. Не ворошите прошлое. Что произошло, то произошло. Я бы очень не хотел, чтобы такой достойный офицер, как вы, сломал себе жизнь, пытаясь разобраться в вещах, далеких от его понимания и компетенции.

⁴² Туре 13 – «командирский» хронограф с функцией обратного хода, производимый ограниченными сериями французской компанией Dodane по заказу Министерства обороны Франции.

– Я подумаю над вашим советом, – медленно проговорил Ник, не отводя взгляд от пронзительных глаз полковника.

– На этом все, капитан Шерно. Удачи вам, – подвел итог короткого разговора комполка и вернулся за свой рабочий стол.

Следующие несколько часов Ник провел в канцелярии, оформляя документы на увольнение. В процессе заполнения всяких форм и общения с кадровиками он не переставал думать о последних словах командира. Не ворошите прошлое. Это могло означать только одно. Все это время он был под наблюдением. И тот, кто за ним следил, давал понять, что не стоит ворошить недавнее прошлое отца и выяснять реальную причину смерти или, еще хуже, детали его работы. То, что это сообщение было передано через контрразведку полка и его командира, говорило об уровне сил, с которыми он столкнулся. Ник вспомнил фразу из письма отца. Если обратишься в правительство, погибнешь. Теперь он понимал, что тот имел в виду. А еще это предупреждение подтверждало, что старик вовсе не сошел с ума. С большой долей вероятности то, что он написал, было правдой. Миру действительно угрожает катастрофа, и в этой катастрофе было каким-то образом замешано правительство Франции.

Был в последней фразе командира и положительный момент. То, что его предупреждали по-хорошему, означало, что никто не знает о карте памяти, которая была прикреплена к фотографии с белым попугаем, и про то, что он ее уже

прочитал.

Закончив с формальностями в штабе, капитан заскочил в медслужбу, чтобы сменить жесткий пластырь на ребрах, потом вызвал такси и отправился в аэропорт. Завтра в Париже он получит отцовскую посылку, хранящуюся на Лионском вокзале, и решит, стоит ворошить прошлое или нет.

Франция. Париж

В Байонне вечерний рейс на Париж задержали на пару часов. В Орли приземлились ближе к полуночи. Изрядно подуставшего от перелетов Ника встречал Мерседес из Cheval Blanc, в которой он решил пожить, пока не приведет в порядок свою новую квартиру.

На ресепшен сообщили, что в течение дня пришло несколько звонков. Все номера оказались незнакомы. Отзваниваться в такой поздний час было верхом неприличия, поэтому он перенес все дела на следующий день. В номере он проверил почту и нашел сообщение от парижского офиса WikiLeaks. Звонки были оттуда. Его пытался найти журналист, с которым контактировал погибший фрилансер из Скандинавии.

Утром Ник провалялся до девяти, потом заказал завтрак в номер. Пока несли еду, перезвонил в WikiLeaks и договорился о встрече. Встретились ближе к полудню в лобби-баре отеля. Оказалось, журналист был в курсе расследования, которое вел швед, и рассчитывал, что сможет потянуть информацию об отце Шерно. Получилось как раз наоборот. Ник заявил, что дочь шефа безопасности лаборатории погибла при странных обстоятельствах и, чтобы во всем разобраться, ему самому нужно знать детали расследования. Взамен если он что-то накопает, то обязательно поделится.

Оказалось, что швед вел расследование деятельности крупной американской фармкорпорации, которая производила вакцину от ковида. Вначале его привлекли утечки от сотрудников о том, что при производстве препарата были нарушены параметры безопасности и процедура клинического тестирования. На фоне нескольких случаев тромбоэмболии и лавинообразных аллергических реакций после введения первого компонента препарата такое казалось вполне возможным. Выяснилось, что формула вакцины от SARS-CoV-2 была зарегистрирована фармкомпаний еще до того, как ВОЗ объявил о пандемии. Ник уже слышал теории о том, что ковид был создан в американских лабораториях и выпущен, чтобы свалить Трампа, обрушить экономику Китая и начать переформатирование мира от демократии к тоталитаризму, когда по щелчку правительства люди должны прячется по норам. Если честно, в далеком Мали Нику было глубоко наплевать на измышления конспирологов. В то, что в Вашингтоне были способны на такие многоходовки, он не верил. Скорее всего, фармкомпании просто в очередной раз воспользовались случайностью с переходом коронавируса от летучих мышей к человеку или его утечкой из одной из лабораторий и разогнали пандемийный хайп, чтобы заработать очередные десятки миллиардов. Может, они и сами помогли вирусу попасть в человеческую популяцию. В этом не было ничего удивительного. Таковы законы жанра в фармбизнесе. Не напугаешь, не продашь. Поэтому эта часть рассказа жур-

налиста не произвела впечатления.

А вот продолжение истории было достаточно интересным.

В самом начале пандемии, когда вакцин катастрофически не хватало, Евросоюз перехватил почти два миллиона доз, предназначенных для Африки. Поскольку фармкомпания нарушила график поставок в Европу, в Брюсселе приняли решение реквизирировать африканскую партию. Груз шел из США в Эфиопию через порт Амстердама. Как только таможенные власти разгрузили контейнеры, в каждом из них, как по команде, сломались системы поддержания низкой температуры, и вакцина пришла в негодность. Причем система не просто сломалась, а взорвалась, да так, что вызвала нешуточный пожар. Оказалось, термоизоляционные контейнеры, в которых перевозили препарат, очень даже неплохо горят.

Власти возбудили дело, но очень быстро все списали на случайный взрыв системы охлаждения. Никого не смутило, что кондиционеры взорвались синхронно в обоих контейнерах. Никого, кроме WikiLeaks. Тут за проект взялись два независимых журналиста, спеца по расследованиям. Они начали копать и пришли к выводу, что вакцины, поставляемые в Африку, отличались от тех, что производились для Европы. Такое открытие грозило серьезным скандалом. В процессе также выяснилось, что сертификацию вакцин для Африки делала лаборатория при Минсельхозе, в которой работал отец Ника.

Почему этим занимались во Франции, а не в США, было непонятно. Тогда швед вылетел в Африку за образцами вакцины, чтобы провести исследование в независимой лаборатории в Норвегии. Там выявили незначительные отклонения в чистоте препарата, но они оказались в рамках заявленных допусков. Вакцина показала заданную эффективность от вируса SARS-CoV-2, и это было главным.

Вскоре после случая в Амстердаме похожий инцидент произошел уже в Штатах. Там губернатор Калифорнии реквизирует контейнер с вакциной, идущий в Малайзию. И опять взорвался кондиционер, и вакцина пришла в негодность. Почти сразу же – еще случай в Новом Орлеане с контейнером, идущим в Аргентину. И тоже кондиционер.

После этих случаев в WikiLeaks поняли очевидное: фармкомпания делает все, чтобы вакцины использовались только в месте назначения. Журналисты еще раз заказали анализ образцов из обеих партий в нескольких лабораториях, но везде получали один и тот же ответ: за исключением допустимых отклонений в чистоте препарата, все было в рамках обозначенных в сертификате параметров. Для более детального исследования состава вакцины нужно было провести полный биохимический анализ с разложением на компоненты. Такой могли делать далеко не везде. Поэтому журналисты решили обратиться напрямую в лабораторию, где была проведена первоначальная сертификация, то есть в лабораторию Минсельхоза Франции, где работал отец Ника.

После этого запроса и попытки контакта погиб и сам фрилансер из Швеции, и отец Сандры, к которому он обратился.

Каким боком вся эта таинственная история касалась его отца, капитан пока не знал, но чувствовал, что какая-то связь определенно есть.

После обеда Шерно проехался по магазинам и прикупил себе кое-какой гражданской одежды. Пару комплектов оставшейся со службы военной формы упаковал в чемодан и отвез на квартиру. Затем вернулся в отель, переоделся, оставил свой смарт в номере, чтобы его нельзя было отследить по геолокации, и отправился на Лионский вокзал. По его прикидкам, наружного наблюдения за ним быть не должно. Если им кто-то и интересуется, то, скорее всего, будут отслеживать мобильное устройство. При современных возможностях цифровой разведки со смарта можно снять максимум информации о владельце. По дороге он заскочил в офис мобильного оператора и купил симку с простеньким, ориентированным на звонки тарифом. В другом месте взял дешевый кнопочный телефон в надежде на то, что прослушать и отследить его будет сложнее.

На вокзале секцию с камерами хранения Ник нашел быстро. Правда, там ждал сюрприз. Он вдруг понял, что не знает ни номера ячейки, ни кода цифрового замка. В сообщении отца были указаны только точные GPS-координаты. Он устроился в вокзальной кафешке неподалеку, заказал капучино и принялся размышлять.

Отец мог не указать номер ячейки и код по двум причинам. Либо он не хотел, чтобы Ник получил доступ к ее содержанию. Тогда зачем было затевать весь этот сыр-бор с картой памяти и жутью про грядущий апокалипсис. Либо кодовая комбинация должна быть очевидна. Капитан в задумчивости поскреб подбородок. Из всех цифр, связанных с этой историей, в памяти всплыла только дата на фотографии с белым попугаем. Она явно не соответствовала реальному времени снимка и этим сразу бросалась в глаза. К тому же она уже послужила паролем на вскрытие карты памяти.

Не придумав ничего лучше, Шерно рассчитался за кофе и вернулся в камеру хранения. Выбрал номер ячейки, совпадавший с первой цифрой даты на фотографии. Она оказалась занята. Это был хороший знак. Ввел четырехзначный цифровой код из месяца и года. Тут же активировался небольшой экран с сообщением, что ячейка предоплачена на полгода вперед, потом щелкнул замок и подпружиненная дверца чуть приоткрылась. Отлично! Самый простой и очевидный вариант сработал.

Довольный собой Ник вынул из ячейки небольшую полупустую дорожную сумку. Расстегнул замок. Внутри пара книг по микробиологии и конверт. Забросив сумку на плечо, он обнулil предоплату ячейки и направился к стоянке такси.

В отеле Шерно отложил книги в сторону и первым делом вскрыл конверт. На ладонь выпала флешка. Капитан повер-

тел ее в руках, прикидывая, как бы получить доступ к содержимому. Купленный в аэропорту по пути в Байонну смартфон все же решил оставить, но для совместимости нужен был USB-переходник. К тому же читать со смартфона объемные тексты не очень удобно. Лучше это делать на большом экране. Поразмыслив, он сунул флешку в карман и решил прогуляться до ближайшего магазина электроники, чтобы купить ноутбук. Вернулся в отель вечером. Заказал в номер ужин, бутылку красного и устроился в кресле в предвкушении занимательного чтения на тему теории глобального заговора рептилоидов в интерпретации отца.

Все получилось совсем по-другому.

Далеко за полночь Ник все еще сидел в кресле с ноутбуком на коленях и, нервно покусывая губы, в очередной раз перечитывал краткое описание проекта «Очищение». Рядом стоял сервировочный столик с нетронутой бутылкой вина и давно остывшим ужином. Уже с первых страниц улетучилась надежда на то, что теория про наступающий апокалипсис всего лишь плод больного воображения отца. Все оказалось предельно серьезно. И глобальная чума, и миллиарды загубленных жизней, и даже нашествие зомби. Настолько серьезно, что он иногда ощущал, как по спине бегут ледяные мурашки, а на затылке шевелится ершик коротко стриженных волос.

Почитав документ первый раз, капитан потряс головой, словно пытаясь отогнать кошмарное наваждение.

«Этого, блин, просто не может быть. Мы ведь цивили-

зованные люди»! – срываясь на истерику, кричал внутри него голос гражданина Франции, цивилизованного европейца, воспитанного в свободном обществе, где, по идее, должны процветать справедливость и общечеловеческие ценности.

Но капитан Первого парашютного, видевший все лицемерие, колониальную жестокость и низость миссии «по стабилизации» в Мали, профессиональный медик и образованный человек, понимающий, что в этом мире все совсем не просто, со спокойной циничной ухмылкой спрашивал:

«Ты уверен насчет цивилизованности? Вспомни историю. Вспомни прошлое, на котором лежит печать бремени белого человека⁴³. Посмотри на настоящее. Ты ведь сам подсознательно делишь всех людей на категории первого и второго сорта. Для тебя малийцы – полудикие туземцы, жизнь которых не стоит ничего. А европеец – вершина человеческой цивилизации, венец творения. И не дай бог кто-нибудь ему сделает больно.» Перед глазами в туманной дымке воспоминаний проплывали братские могилы, ямы, вкопанные в барханах, чтобы скрыть жертвы среди гражданских во вре-

⁴³ «Бремя белого человека» (*The White Man's Burden*) – стихотворение английского поэта Редъярда Киплинга времен филиппино-американской войны 1899–1902 гг. Написано в духе превосходства белой расы и пренебрежительном тоне по отношению к неевропейским народам. Изображает их как недоразвитых, опасных, требующих постоянного контроля и помощи со стороны «белых наций». Оправдывает колониальную, расистскую, империалистическую политику европейских государств.

мя зачисток отдаленных деревень и непродуманных ударов французской авиации по неподтвержденным целям. Сколько там похоронено женщин и детей? Кто считал? Поначалу Шерно пытался вести медицинскую статистику сопутствующего ущерба, но тут же был вызван на центральную базу в Бамако и получил такой нагоняй, после которого еще долго не мог прийти в себя. Так чему он удивляется сейчас.

Бросив взгляд на последний абзац документа, Ник тяжело вздохнул.

«Проект «Очищение» запущен, – всплывали из далекого прошлого строки, написанные его отцом. – Пиковые значения ожидаются в период с 2028 по 2032 год. На данный момент существует только одна разработка, способная остановить чуму. Сделать это надо в ближайшие два года, пока изменения в организмах зараженных еще не приняли необратимый характер. Если ничего не предпринять сейчас, то большая половина человечества обречена. Единственная серия созданных мной прототипов ингибитора находится у фармкомпании. Но выход есть. Сохранилась рабочая и технологическая документация по производству антидота и несколько референсных образцов. Их нужно передать русским. Только они смогут все исправить.»

Закрыв крышку ноута, капитан встал с кресла и прошелся по гостиной. Технология была описана в документе так детально, что не оставалось сомнений в том, что отцу действительно удалось создать адского демона, способного медлен-

но пожирать людей изнутри. Он остановился у окна, долго смотрел на подсвеченную ночными фонарями Сену, потом закинул руки за голову и застонал, словно от тупой непроходящей зубной боли.

Почему сейчас? Ну почему он? Почему он должен бросить квартиру, тачку, Париж и спасти человечество. Может, пусть все течет само по себе. А он будет наблюдать за событиями из мягкого кресла. В конце концов, те, кто запустил «Очищение», заботятся о спасении человеческой цивилизации. Уж они-то знают, что делают. И аргументы у них, несомненно, весомые. Планета перенаселена. Ее ресурсы истощаются. Сокращение популяции людей в три-четыре раза ей пойдет только на пользу. Проект такого масштаба наверняка ведется с привлечением огромных ресурсов и должен иметь единый центр принятия решений. Нити управления, похоже, тянутся в Вашингтон. Это чувствуется по вовлечению американских компаний и по тому, с какой легкостью вокруг отца умирали люди. Разве он хочет разделить их судьбу?

Терзаемый этими непростыми вопросами капитан упал в кресло и налил себе бокал вина. Да, именно вот так. Можно сидеть в мягком кресле и наблюдать за тем, как чья-то невидимая могучая рука наводит на планете свой порядок. Можно было бы.

Но есть одно «но». Ник снова почувствовал, как по спине пробежала холодная скользкая ящерка страха. Одно охрещенно важное «но». Возможно, зараза уже сидит и в нем. Он

резко отставил бокал, вскочил с кресла и бросился в ванну. Долго стоял перед зеркалом, вглядываясь в свое бледное от приступа панической атаки лицо.

Он был в Мали. Значит, тоже мог попасть под «Очищение», а вместе с ним и несколько сотен ребят из Первого парашютного и все шесть тысяч контингента MINUSMA. И вся Мали. И вся Африка. И вся Латинская Америка. И Азия тоже. Все те миллиарды, о которых говорил отец.

В приступе отчаяния Ник сжал голову руками, словно пытаясь сдержать рвущиеся наружу образы ужасного будущего.

Но время еще есть. Ник нагнулся над раковиной и, набрав в ладони холодной воды, несколько раз ополоснул лицо. Минимум лет шесть-восемь. Отец, вообще, говорит, что в течение двух лет чуму можно предотвратить. За этот срок может случиться все, что угодно. Русские вон напали на Украину. Европейцы и Штаты, как полоумные идиоты, ломанулись с ними бодаться. Если так дальше пойдет, то все к черту сгорит в ядерном огне, и похрен та зараза.

А если нет. А если Кремль и Вашингтон договорятся. Тогда через шесть-восемь лет...

Усилием воли капитан подавил неспадающую волну паники. Надо остыть, успокоиться, попытаться заснуть, а на утро все хорошо обдумать на свежую голову. Он сделал несколько глубоких вдохов, медленно разделся, залез в кабину и включил холодный душ, чтобы смыть с себя прилипшие после чтения документа страхи.

Заснуть с первого раза не удалось. Ник долго ворочался на кровати, стараясь отогнать мрачные мысли. Потом выбрался из-под одеяла, заставил себя выпить бутылку красного и съесть остывший клуб-сэндвич. Вино сделало свое дело. Через четверть часа он погрузился в беспокойный, заполненный апокалипсическими страхами сон.

Если не считать легкой головной боли после бутылки вина, утром капитан чувствовал себя гораздо лучше. Мир уже не казался таким обреченным, ощущение безысходности пропало, и даже собственное самочувствие не вызывало опасений. Чтобы продлить момент хрупкого душевного равновесия, он спустился в бар. Вместо завтрака заказал кофе и стакан апельсинового сока. Затем вышел прогуляться по набережной. Дошел до Лувра. Покрутился среди толпящихся туристов. Хотел было пристроиться к очереди, чтобы пройти по залам галереи, но все же решил не откладывать неизбежное и вернулся в номер.

Стараясь составить общую картину, еще раз внимательно перечитал документ. Картина получалась довольно мрачная.

Отец вел важную, но не критичную тему в обычной биологической лаборатории при Минсельхозе. И все бы было хорошо, но его работа дала совершенно неожиданный результат, которым тут же заинтересовались военные. Тему передали в Институт биомедицинских исследований вооруженных сил Франции, а на базе группы, возглавляемой отцом, создали секретную лабораторию. С этого момента исследования разбились на

два потока. Военные занимались боевым применением технологии, разработанной отцом, а секция отца – созданием защитных систем.

Вскоре тему перехватили США и присвоили ей кодовое название «Очищение». Все исследования были переведены под зонт фармкомпаний и курировались напрямую какой-то охрененно засекреченной группой в Вашингтоне. Из первоначального состава на проекте остался только отец и несколько ключевых ученых из его группы. Все перешли на прямой контракт к американцам.

Поскольку тема была уже доведена до готовности, кураторы решили приступить к практическим испытаниям на людях. Вначале в лабораторных условиях, затем в третьей стране. Несмотря на то что разработанная отцом технология имела отложенный на многие годы эффект, испытания были признаны успешными и ее одобрили к боевому применению. С этого момента отец был отстранен от темы. Американцы взяли с него кучу подписок и заплатили за молчание гигантский бонус.

Некоторое время никакой информации о развитии проекта не было. В мире бушевал ковид, и проект, казалось, отошел на второй план. Но прошлой весной в разгар вакцинации фармкомпания снова обратилась к отцу. Выяснилось, что американцы на протяжении полугода не могли решить проблему совместимости аномальной третичной белковой конструкции, разработанной отцом, с элементами вирусной

структуры SARS-CoV-2. Судя по спешке, они серьезно отставали от какого-то графика и готовы были заплатить любые деньги. Подумав, что исследования связаны с борьбой против пандемии, отец помог доработать формулу. Фармкомпания снова заплатила ему бешенные деньги и пропала на несколько месяцев.

Следующий звоночек пришел в конце 2021 года, когда по миру распространился вариант «дельта» коронавируса. Из третьей страны, где располагались лаборатории, занимавшиеся тестированием на людях, местные медики, с которыми раньше там работал отец, тайно прислали ему пробирку с препаратом. По их словам, он уже год как применялся по всему миру. Ученый провел анализ и был ошеломлен тем, что обнаружил. Не веря своим глазам, он заказал образцы схожей субстанции из нескольких десятков стран. Часть из них подтвердила его самые жуткие опасения. Причем эта часть пришла из Африки, Азии и Латинской Америки.

Сомнений не оставалось – под шумок пандемии американцы провели глобальное развертывание проекта «Очищение».

Отец хотел запросить больше деталей у тех, кто прислал ему первый образец. Но узнал, что почти все ученые погибли, потому что лаборатории попали под артобстрел. Пока отец выяснял что да как, русские вошли на Украину. В живых остался только один его ученик из местных, не самый блестящий, но исполнительный и проворный. Молодой

ученый сейчас скрывался и пытался выйти на связь. Когда ему это удалось, отец узнал, что никакого обстрела не было, а лабораторию зачистили американцы. Персонал перебили, часть оборудования забрали, здание подожгли, а когда все основательно выгорело, детонировали заложенный фугас. За несколько дней до этого, почуввав неладное, парень успел скопировать все данные, изъять из хранилища кое-какие образцы, упаковал все в специальный транспортный контейнер и вывез в надежное место. Теперь он хотел за эту информацию миллион евро в крипте. Молодой ученый не понимал ее реальную стоимость, иначе запросил бы в сто раз больше.

В этот момент отец понял, что американцы начали зачистку всех сотрудников проекта. Он сам, по-видимому, пока остается в живых только для того, чтобы помочь адаптировать формулу в случае, если что-то в процессе ее развития пойдет не так. Понимая, какое чудовище американцы выпустили в мир и что жить ему осталось недолго, старик решил действовать.

Все говорило о том, что в проект напрямую вовлечены спецслужбы США и Европы. Поэтому отец решил передать информацию стране, которая была от них независима и обладала достаточной научной базой, а также силой и влиянием, чтобы остановить чуму. Между Россией и Китаем он выбрал Россию.

После этого ученый столкнулся с непростой задачей. Нужно было, чтобы его материал попал в надежные руки.

Через посольство он действовать опасался, потому что никогда не доверял дипломатам. Сам в Россию попасть не мог. Из-за войны на Украине всякое сообщение было прервано. Да и его как носителя секретной информации просто не выпустили бы из Евросоюза.

Тогда отец, проявив чудеса конспирации, связался через даркнет⁴⁴ с научным отделом Службы внешней разведки России и сообщил, что готов передать ценные данные по секретному проекту. Тему и детали не разглашал. Чтобы информация не попала в сеть, она будет на бумажном носителе. Проблема была в том, что папка с бумагами и образцы находились у частного лица в третьей стране.

Тут в памяти Ника всплыли смутные воспоминания, как отец в детстве читал ему сказку о Кошце Бессмертном. Смерть его была на кончике иглы, игла в яйце, яйцо в утке, утка в зайце. Полная аналогия с тем, что он имел сейчас. Материалы в кейсе, кейс в разбитой машине, машина под мостом. А мост этот на Украине, где сейчас идет гребаная война.

В марте, когда русские охватили Харьков с севера и юга, отцу каким-то образом удалось организовать переправку кейса с документами и образцами в точку, где ее должна была подобрать группа русского спецназа. Но нанятая им машина, которая шла в колонне с беженцами, попала под обстрел украинского БТРа, получила несколько попаданий,

⁴⁴ *Скрытый сегмент интернета, работающий через специальные браузеры.*

съехала в кювет и скатилась в воду. Судьба курьера, того самого молодого украинского ученого, неизвестна. Может, сбежал, а может, до сих пор гниет в затопленном салоне автомобиля. В результате сейчас на Украине в Харьковской области, в километре к югу от города Чугуев, под мостом лежит расстрелянная машина, в багажнике которой должен находиться специальный герметичный кейс для транспортировки биообразцов, способный спасти человечество от глобального геноцида.

Теперь было понятно, почему отец проинструктировал душеприказчика отправить сообщение о его смерти с задержкой в полтора месяца. Он надеялся, что курьер доставит груз. Наверно, нотариус, сам не понимая, в какую игру вовлечен, ждал подтверждения от русских, а когда оно не пришло, сообщил Нику о кончине родителя. Также стало очевидным, что старик не умер своей смертью, а попал под ликвидацию всех, кто имел отношение к «Очищению». Узнали ли кураторы проекта, что старик пытался связаться с русскими, Ник так и не понял, но очень разозлился на тех, кто угробил его отца.

Вот такой непростой расклад вырисовывался на данный момент. Сейчас капитану запаса Шерно предстояло определиться, что со всем этим делать. Имей он хоть какое-то отношение к спецслужбам или оперативной работе, то, наверно, не особо терзал бы себя сомнениями, а принял решение быстро. Но он был доктор, полевой медик, пусть и с солид-

ным боевым опытом. Поэтому прекрасно понимал: чтобы с его навыками и подготовкой лезть в страну, где идет жестокая война, надо быть смелым, очень смелым человеком.

Решение давалось с большим трудом. С одной стороны, Нику хотелось отомстить за отца и спасти человечество. С другой – во всей этой истории было много явных и скрытых факторов, способных с легкостью его угробить. Тогда прощай студия в центре Парижа, новый Рендж Ровер и беззаботная жизнь.

Запутанный клубок обстоятельств, образовавшийся на фоне смерти отца, приводил в замешательство, сбивал с толку и настойчиво подталкивал капитана к прокрастинации⁴⁵. В конце концов можно было просто сидеть и ничего не делать, а когда война на Украине закончится, передать русским координаты кейса и пусть разбираются сами. Этот вариант выглядел очень привлекательным. Поразмыслив, Ник решил остановиться именно на нем, а пока суть да дело изучить обстановку на Украине и вокруг нее.

Довольный своим решением капитан спустился в ресторан, заказал луковый суп, запеченную в беконе утиную грудку, бокал вина и пару свежих газет. Внутриполитическая лихорадка после первого тура выборов немного спала. Теперь журналисты тратили большую часть своей энергии на две те-

⁴⁵ Процесс, когда важные задачи откладываются под любым предлогом ради психологического спокойствия или чтобы оттянуть момент неприятного решения.

мы: войну на Украине и санкции против России, которые в Европе и США спровоцировали нешуточный экономический кризис.

По ходу боевых действий конкретной информации было мало. Но у Ника все же создалось впечатление, что после трех месяцев войны у Кремля серьезные проблемы. Из газет получалось, что на фронте Москва несет огромные потери, украинская армия при поддержке Брюсселя и Вашингтона вот-вот очистит страну от агрессора и вернет захваченные им в 2014 году территории. К тому же экономика России очень страдает от западных санкций, а недовольные россияне, которые остались без западных брендов, уже готовятся снести власть. Ник не очень верил мейнстриму⁴⁶ в средствах массовой информации, поддерживая тех, кто утверждал, что большая часть журналистов находится на подпитке США и Евробюрократии и участвует в информационной войне на их стороне. Прочитав обзоры по Украине, он сделал ментальную пометку разобраться в этом вопросе поглубже. Тут как раз принесли луковый суп, и капитан переключил все внимание на него.

После обеда Ник вернулся в номер, посмотрел дневной выпуск новостей, дублировавший те же штампы, что мелькали у газетчиков, потом взял ноут и залез в блогосферу по украинской теме. Там ситуация была далеко не такой одно-

⁴⁶ *англ. Mainstream (основное течение) – здесь, преобладающее направление в интерпретации событий и фактов.*

значной. Он стал копать глубже и, подобрав себе десяток действительно независимых каналов, в которых были представлены разные точки зрения, увлеченно принялся их изучать. Чтиво оказалось похлеще любого исторического романа.

К вечеру у капитана сложилась, по его мнению, вполне объективная картина того, что происходит на Украине. Причем в этой картине Европа и особенно США выглядели довольно мерзко.

Оказалось, что в 2014 году Вашингтон спровоцировал в Киеве вооруженный переворот, в результате которого проамериканская оппозиция свергла легитимного президента. Причем произошло это, когда тот уже сам был готов уступить власть под гарантии мирного перехода со стороны европейских лидеров и невмешательства России. На следующий день после подписания соглашения с лидерами оппозиции в присутствии и под гарантии министров иностранных дел трех европейских стран президент отвел из центра столицы силовиков, которые готовы были подавить протестующих. Этим воспользовались вооруженные формирования оппозиции и захватили власть в Киеве. Россия, поняв, что Запад ее в очередной раз кинул, дерзко и быстро вернула себе Крым, отошедший к Украине при Советском Союзе.

Как группе агрессивных русофобских маргиналов удалось взять власть в стране, где две трети населения были за союз с Россией, оставалось загадкой. Тут, скорее всего, сыграли

главную роль коррумпированность и мягкотелость киевской власти, пассивная позиция Москвы, утратившей влияние на ключевого союзника, и наглое вероломство Вашингтона, нарушившего все устные и письменные договоры о мирном переходе власти. Но что произошло, то произошло. После госпереворота Москва получила на своих западных границах откровенно враждебное государство, целью которого было вступление в НАТО и захват территорий российского юга.

Пришедшие к власти в Киеве националисты тут же стали щемить русских, которые составляют почти половину населения Украины, запретили язык, культуру и даже признали некоренной нацией. В ответ на эти действия началась гражданская война на Донбассе. На тот момент армия на Украине была никакая, поэтому ее поражение против народного ополчения и русских добровольцев не стало ни для кого сюрпризом. У России тогда появился уникальный шанс с минимальными затратами восстановить свое влияние. Однако вместо того, чтобы добить остатки разваливающихся ВСУ⁴⁷ и вернуть себе частичный или полный контроль над Украиной, русские ввязались в длительную и нудную переговорную мушкетерскую, которую окрестили «Минскими соглашениями». По мнению Ника, надо было быть по-детски наивными, чтобы после вооруженного переворота и нарушения всех договоренностей в очередной раз поверить Западу. Тем не менее Москва поступила именно так, добровольно обнулив

⁴⁷ *Вооруженные силы Украины.*

свое уникальное стратегическое преимущество, возникшее после серии убедительных побед на Донбассе.

Тем временем, как и следовало ожидать, Запад снова бессовестно кинул Кремль. «Минские соглашения» дали США необходимую паузу длиной в восемь лет, чтобы превратить украинские вооруженные силы в сильнейшую армию Европы с точки зрения оснащения, подготовки и мотивации и боевого духа, основанных на нацистской идеологии. Через восемь лет после подписания перемирия с Донбассом Киев на всех парах шел в НАТО, имел планы увеличить свои вооруженные силы в полтора раза, обзавестись собственным ядерным оружием и уже открыто предоставлял свою территорию для военного освоения альянсом. С точки зрения России, это превратило его в явную и неотвратимую угрозу.

Стратегия Америки в отношении Украины была очевидна: подготовить государство-брандер⁴⁸ для удара по России, которое должно было сгореть в огне войны, но при этом истощить экономические и военные силы Москвы, а возможно, и привести к смене власти. Эта стратегия делала войну между Москвой и Киевом неизбежной.

Поняв, что США их в очередной раз бессовестно обманули, русские решили нанести упреждающий удар и начали превентивное вторжение, чтобы навязать Западу свои пра-

⁴⁸ В античные и средние века – небольшое судно-смертник, наполненное взрывчатыми или горючими веществами, задачей которого было уничтожение кораблей противника путем тарана.

вила игры. В первые пару недель вторжения они захватили огромный кусок территории и почти окружили Киев. Но то ли их подвела разведка, то ли они недооценили националистические антироссийские настроения украинцев, которые укоренились за последние восемь лет в результате усиленной промывки мозгов, но операция пошла не по плану. С цветами и хлебом-солью их никто встречать не вышел. Более того, русские столкнулись с хорошо организованным, упорным и ожесточенным сопротивлением Вооруженных сил Украины и националистических профашистских батальонов.

Чтобы сфокусировать силы на одном из двух критических направлений, русским пришлось оставить значительную часть занятой территории и перейти от провалившейся практики кавалерийских ударов к долгой и нудной позиционной войне. И тут, в отличие от визгливых журналистов, которые наперебой кричали о неизбежном военном провале Москвы, большая часть серьезных экспертов соглашалась, что, независимо от того, как будут дальше развиваться события, Украину неминуемо ждет поражение.

Российские вооруженные силы, пользуясь завоеванным в первые дни войны превосходством в воздухе и дальнебойных высокоточных средствах поражения, принялись не спеша, методично уничтожать тыловую военную инфраструктуру ВСУ. В это время на фронтах их артиллерия день за днем перемалывала самые боеспособные части. Штурмовые отряды продвигались медленно, но верно, без серьезных потерь

занимая отутюженные артой укрепайоны.

Такую войну Киев выиграть не мог ни при каких условиях. Здесь не помогали ни оголтелая антироссийская пропаганда Киева, ни откровенная ложь, скрывающая реальное положение и огромные потери на фронтах, ни натовские вооружения, потоком хлынувшие на Украину, ни предоставляемые Западом миллиарды финансовой помощи.

К маю 2022 после двух месяцев военных действий и в Вашингтоне, и в Брюсселе все понимали, что Украина обречена. Теперь основной задачей западных политиков стало нанести как можно больший военный урон России и максимально разрушить инфраструктуру на занимаемых ей украинских территориях.

О том, сколько в таком режиме может идти война, у экспертов были разные мнения. Некоторые говорили, что все решится осенью 22-го, но большинство предполагало, что Россия специально войдет в зиму, чтобы максимально усугубить экономическое положение Украины в расчете на то, что голодное и холодное население вынесет на вилах продавшуюся американцам, лживую и коррумпированную киевскую власть. Были и те, кто настаивал, что конфликт может быть затяжным и продлится год или два.

Для Ника это означало, что боевые действия на Украине с большой долей вероятности продлятся еще довольно долго, полгода минимум, а скорее всего год, если не два. Этот срок был на грани того, что указал в своем документе отец. Чтобы

купировать разработанную им заразу, тоже нужен был год, максимум два. После этого «Очищение» примет необратимый характер и остановить глобальный геноцид будет уже невозможно.

Такой поворот серьезно нарушил установившееся с утра душевное спокойствие. Получалось, что ждать нельзя, что теперь на его не очень мускулистых плечах лежит судьба человечества. Эта тягостная мысль серьезно напрягала. Представьте себе, каково это сидеть в шикарном люксе дорогого отеля в центре Парижа, осознавая ответственность за судьбы миллиардов людей. Другой бы наплевал и забыл. Но Ник был воспитан в полувоенной среде приюта, где с детства прививалось чувство ответственности. Чтоб его...

К тому же Первый парашютный уберег его сознание от развращения гнилой псевдолиберальной пропагандой, превалирующей в гражданских СМИ. Из-за этого у него где-то глубоко внутри, больно покалывая иголочками, шевелился назойливый ежик совести. Вдобавок ко всему, подсознание напомнило о вчерашнем страхе. Он был в Африке в Мали. Значит, зараза может уже сидеть и в нем. И в его боевых товарищах из базы в Госси.

Нервно покусав губу, капитан представил, как лет через восемь крутые, побитые боями спецназовцы превращаются в мычащих зомби, бесцельно ковыляющих на подкашивающихся ногах по улицам, заполненным такими же, как они, несчастными. И все из-за него.

Картинка получилась жуткая. Тряхнув головой, он отогнал навязчивое видение, открыл переданный отцом документ и внимательно перечитал все, что касалось места, где сейчас находился защищенный кейс с информацией и образцами ингибитора. Чугуев, Харьковская область, Украина.

Когда старик планировал свою операцию по передаче данных об «Очищении», русские войска как раз стояли у Чугуева. Диспозиция сил была зыбкой и нестабильной. Пехота русских на легкой броне вклинивалась по дорогам глубоко в тыл, огибая укрепрайоны ВСУ. По всей области хаотично передвигались колонны беженцев. Машину с кейсом должен был встретить передовой отряд русского спецназа. Но колонну гражданских, в которой шел курьер, расстреляли украинские нацики. Машина скатилась с берега и ушла под воду у моста через реку, протекающую в километре к югу от Чугуева.

Кейс герметичный. Под водой с его содержимым ничего не случится. На нем установлен хитрый маяк, подающий сигнал раз в час через неравные промежутки времени, чтобы его сложнее было засечь сканером. Маяк спутниковый. По его сигналу отец и узнал местоположение кейса с точностью до нескольких метров. Батареи хватит на полгода.

Военная ситуация в районе... Ник покопался в сети, нашел свежую карту боевых действий. После первого неудавшегося наскока русские, встретив серьезное сопротивление, оставили почти всю Харьковскую область. Теперь боевые

действия слабой интенсивности шли в тридцати километрах севернее областного центра, почти на границе с Россией. ВСУ пытались контратаковать, но русские и ополчение Донбасса сдерживали их артиллерией.

Основные бои проходили в ста пятидесяти километрах южнее, на границе с Луганской областью. Получалось, что Чугуев находится в относительно спокойной ближней прифронтовой зоне. Ник задумчиво поскреб затылок, набрал в поисковике кириллицей название города, как он был записан на карте, и нашел несколько местных пабликов⁴⁹. Писали на украинском, поэтому понять ничего было нельзя, но, судя по картинкам, жизнь в городе была довольно спокойная. Пролистав пару десятков страниц, он не увидел большого количества кадров, говорящих, что рядом идет война. Из интересного – блокпосты на улицах, разбомбленная взлетная полоса местного аэродрома, очереди на заправках, горящие нефтебаза на южной окраине и пеллетный завод в центре, где, судя по побитой военной технике, была база ВСУ. В принципе, если попасть на Украину, то задача добраться до места и достать кейс казалась вполне выполнимой. А уж дальше он решит, что с ним делать.

После изучения обстановки вокруг цели Ник переключился на сайты украинского и французского МИДов. Между двумя странами до сих пор существовал безвизовый ре-

⁴⁹ Открытое для всех участников соцсети сообщество, где подписчики могут прочитать актуальные новости и обсудить их в комментариях.

жим, хотя выезд из Украины очень сильно осложнился. Но на въезд ограничений не было. Наоборот, европейцы активно приглашались для того, чтобы своими глазами убедиться в том, как отважно Украина защищает Европу от русских. Ну а желающим помочь украинской демократии предоставлялась уникальная возможность успеть повоевать на стороне добра, пока Киев окончательно не разгромил агрессора.

Скептически улыбнувшись, капитан перешел по нескольким ссылкам для наемников, указанным прямо на сайте украинского МИДа. Десятки ЧВК объявляли набор желающих «поехать пострелять русских». Там же были указаны адреса двух рекрутинговых центров в Польше на границе с Украиной для тех, кто готов присоединиться к Интернациональному легиону территориальной обороны или даже вступить в ВСУ. Боевой опыт, военная специальность не были обязательным условием, главным считалось желание помочь Украине победить.

Теоретически это была неплохая точка входа в воюющую страну. Шерно отложил ноут и, закинув руки за голову, долго сидел в кресле, глядя на экран телевизора, где без звука шли новости. В голове понемногу складывался вполне себе годный расклад. Можно прикинуться наемником, добраться до Чугуева, найти кейс и потиху свалить из страны. Судя по тому, что писали на сайтах наемников, иностранцы на границе шли через зеленый коридор. Их не досматривали ни на въезде на Украину, ни на выезде с нее. Если они не заключали

обязывающий контракт с ВСУ, то могли принимать участие в боевых действиях по желанию, в рамках ограничений военного времени перемещаться по территории и в любой момент покинуть страну. Судя по соцсетям, так поступали сотни неудавшихся наемников, которым не зашла вооруженная борьба за демократию. Это значительно облегчало задачу.

В пабликах наемников вообще царило полное веселье. Большинство солдат удачи не имели боевого опыта и воспринимали все как экзотический тур и опасное приключение, о котором можно будет с гордостью рассказывать друзьям за пинтой пива по возвращении домой. В основном они проводили время в кабаках, бухали горилку и куролесили с украинскими шлюсками. Иногда, сбившись в группы, на пару дней выезжали на передовую пострелять по кустам и побегать по развалинам. Потом, выложив в сеть несколько захватывающих своей детской простотой роликов, возвращались в города и продолжали веселиться.

Случались, правда, и неприятности. Русские объявили наемников вне закона и сделали их приоритетной целью. В марте они крылатыми ракетами накрыли лагерь подготовки и слаживания Иностранного легиона в Яворове на границе с Польшей. По словам очевидцев, там творился реальный ад. Потери убитыми тогда составили около двухсот человек плюс несколько сотен раненых. После этого большая часть солдат удачи в ужасе сбежала из этого центра в Польшу. Для них оказалось шоком, что у русских, которые, судя по укра-

инской пропаганде, воевали ржавыми Калашниковыми, есть современные крылатые ракеты, способные нанести точный удар за тысячи километров.

Еще одна неудача постигла наемников в южном городе Мариуполе, который русские вначале взяли в окружение, а потом загнали военных нациков и иностранных наемников в подземелья местного металлургического комбината. По приходящей информации там творился полный кошмар. У осажденных не было воды, еды и закончился БК⁵⁰, а от постоянного давления артиллерии и авиации раненые ежедневно множились десятками.

Вообще, «дикие гуси»⁵¹ со стажем и боевым опытом говорили, что на передок лучше не соваться и от русских держаться подальше. Они воют так, как никто на Западе не ожидал, и прямое столкновение с ними обычно заканчивается трагически.

Но, если отбросить эти редкие островки негатива, в сообществе украинских наемников преобладал задор и веселье, а основными визуальными темами были крутые фотки в тактикульном обвесе, с горилкой и полуголыми грудастыми шлюхами.

На фоне всей этой обильной и разношерстной информации в голове Ника понемногу начал складываться нехитрый план. Он запишется наемником в украинский Интернацио-

⁵⁰ Боекомплект, боеприпасы.

⁵¹ В западных СМИ – профессиональные наемники.

нальный легион. Примкнет к группе, идущей в Харьковскую область. Потом скажет, что решил уехать из страны. Прикупит себе местного переводчика понадежней и махнет в Чугуев. Там заберет кейс – и сразу на границу с Польшей. Типа побыл пару недель, съезжу отдохну и потом с новыми силами снова вернусь в бой.

Весь следующий день капитан продолжал собирать информацию о боевых действиях на Украине, наемниках и ситуации в прифронтовой полосе. Чем больше он перелопачивал материала, тем сильнее в нем крепла уверенность, что вылазка под Чугуев за кейсом может быть вполне успешной. В крайнем случае, если что-то пойдет не так, он просто быстро эвакуируется и в безопасном месте будет думать, как действовать дальше. К вечеру решение окончательно созрело. Он попробует завершить то, что начал его отец. Попытается спасти мир. Конечно, было бы неплохо еще и заработать в процессе, но об этом он позаботится позже, когда кейс будет у него в руках.

С утра Ник начал готовиться к поездке. Изучил расположение рекрутинговых лагерей на границе Польши и Украины. Выбрал тот, что покрупнее и по отзывам лучше организован. Заказал билет до Варшавы. В банке снял три тысячи евро мелкими купюрами. Потом шопинг. Подобрал себе пару комплектов простой неброской, но прочной одежды, прикупил кое-какие штучки, которые помогут выжить в стране, где перебои могут быть со всем. Взял немного легкой, но ка-

лорийной еды из туркомплектов для дальних переходов. Собрал полноценную полевую аптечку. В общем, укомплектовался, как в опасный поход в дикие враждебные леса. Все сложил в универсальную сумку для путешествий, которую можно было использовать как рюкзак.

Оставшиеся до вылета два дня провел, поглощая неимоверные количества пищи, чтобы обеспечить энергетический запас на случай, если на Украине не дай бог придется недоедать. А еще отсыпался по двенадцать часов в день, давая мозгу отдохнуть перед неминуемым стрессом. Так делали в Первом парашютном перед долгими рейдами. Хотя для многих эта практика была спорной, капитан считал, что она действительно помогает и всем ее рекомендовал.

Наконец настал день вылета. Ник рассчитался с отелем. Отвез ненужные в путешествии вещи на квартиру и отправился в аэропорт.

Самолет задерживался из-за проблем с авиационным топливом, дефицит которого ощущался после того, как Евросоюз ввел санкции против России. Но администратор бизнес-зала уверенно заявила, что это временные трудности и вопрос решится через час-полтора. Ник прихватил из холодильника бутылку воды и присел на свободное кресло напротив уткнувшегося в газету старичка с интеллигентной «профессорской» бородкой. Терпение не было его сильной стороной, и ждать он тоже не любил, поэтому был рад, когда сосед, тихо выругавшись, положил газету на стол.

– Плохие новости? – поинтересовался капитан.

– Да уж. Хуже некуда, – старичок бросил на него быстрый взгляд. – Похоже, мир катится к чертям.

– И почему вы пришли к такому выводу?

– Это ведь очевидно. Америка находится в системном кризисе. Он жесткий и всеобъемлющий, охватывает все стороны жизни: политику, экономику, идеологию, даже быт. Вместо того чтобы самим разбираться с собственными проблемами, в Вашингтоне решили пойти по излюбленному пути – создать глобальный кризис, на который можно будет списать все свои бездарные ошибки, совершенные из-за беспросветной тупости и непомерных амбиций вашингтонских политиков.

– Я что-то пока особого кризиса не замечаю, – пожал плечами капитан. – Ну, выросли цены. Ну, кое-что пропало из магазинов. Ну, проблемы с заправкой самолетов. Но мне кажется, все рассосется, как только закончится война на Украине.

– Молодой человек, – укоризненно покачал головой «профессор». – Ничего не рассосется. США грозит экономический крах и, возможно, развал государства. Чтобы выжить, Америке нужна большая война и она пытается сделать все для разгорания этой войны у нас, в Европе. Они спровоцировали вторжение русских на Украину, надеясь ослабить Москву, развалить страну и пожировать на ее ресурсах. Но все обернулось с точностью до наоборот. Москва выдержи-

ла удар. А вот на Западе санкции подстегнули тлеющий кризис. Плеснули керосинчика в костер. Сейчас в Вашингтоне это уже поняли, но пока не знают, что делать дальше. У них просто нет «плана Б». А у России есть. Когда русские разберутся с Украиной, их переговорная позиция будет чрезвычайно сильна, а сфера влияния и международный авторитет значительно вырастут. Еще бы, ведь они выиграли войну не с киевскими нациками, а с США и НАТО. Естественно, с этим Америка мириться не готова. Тогда, скорее всего, Вашингтон бросит в топку войны Прибалтику, потом Польшу или Румынию. А это страны НАТО. Вся Европа может полыхнуть.

– А какая Штатам от этого выгода? Я читал, у них самих инфляция. Бензин дорожает, еда. Промышленное производство падает.

– Выгода прямая. Развязав войну на континенте, они устранят Европу как своего основного экономического конкурента и будут пожирать ее активы на протяжении десятков лет. Это, конечно, не Россия с ее колоссальными ресурсами, но терминальная стадия кризиса в США будет отложена. Уже сейчас наша промышленность проигрывает американской из-за высоких цен на газ и на нефть. А цены высокие потому, что наши руководители – идиоты, которыми управляют из Вашингтона и которым наплевать на интересы собственного народа, да и Евросоюза в целом. Они ввели санкции против Москвы. Жалкие людишки. Они не понима-

ют, что Россия выживет, потому что базой для ее экономики служит реальное производство и сырье, которое необходимо всем и всегда. У русских есть три необходимые для выживания в любом кризисе вещи: еда, тепло в домах и бензин, чтобы заправить автомобиль. А у США есть только зеленые бумажки и экономика, основу которой составляет спекулятивный финансовый сектор. И если за зеленые бумажки ничего нельзя будет купить, Штатам конец. Европу тоже ждет печальная участь, потому что наша экономика – это экономика услуг, которые сами по себе ничего не значат, и избыточного потребления, для которого в изобилии нужны дешевые ресурсы. Их как раз последние полвека и поставляла нам Россия. А теперь их у нас нет. Потому что мы, дебилы, сами от них отказались, наложив санкции на Москву. Получается патовая ситуация. Производство свое мы по большей части отдали в Китай. Ресурсы берем из России. На нее же накладываем санкции. Это в прямом смысле самоубийство. Я вам как профессор экономики говорю: такая политика неминуемо приведет как минимум к двум вещам. Бегству европейского капитала в США и обнищанию людей. А за этим последует коллапс Евросоюза и хаос на континенте. Что, собственно, Америке и нужно.

– Печальная картина, – задумался над словами собеседника Ник. – Неужели правительства ничего не видят?

– Ха! Все они видят. Все они знают. Потому что элиты в Европе воспитаны и назначены Вашингтоном и выполня-

ют их заказ на уничтожение экономики континента и превращение его в экономическую колонию Америки. Мы уже давно потеряли суверенитет, а вместе с ним и собственное достоинство.

– Вижу, вы летите в Варшаву, – капитан решил перевести разговор с этой грустной темы и показал глазами на лежащий на столе посадочный талон. – Будет приятно пообщаться с вами в самолете.

– Через Варшаву я транзитом возвращаюсь домой. Сейчас из-за санкций в Петербург из Европы прямых рейсов нет. Приходится добираться на перекладных, – недовольно пробурчал «профессор».

– Домой? В Петербург? Я думал, вы француз, – удивился Ник.

– Француз. Но мой дом теперь в России. Там у меня семья, кафедра, студенты. Часть родственников переехала. Это замечательная страна. Мужчина там мужчина, а женщина – женщина. Никто тебя не засудит, если ты в шутку хлопнешь по попке секретаршу или сделаешь ей комплимент. Там в школе мальчиков не наряжают девочками, а пропаганда пидорастии вообще запрещена законом. Уровень жизни в больших городах сравним с Европой, если не выше. Безопасно, красиво, люди хорошие. Идеальная страна для жизни, если у тебя есть деньги. Бардака, конечно, хватает. Но где его нет?

– Да-а, – протянул Ник. – Я думал, там прошлый век. Ржавеющие осколки коммунизма.

– Съездите в Москву или Питер и сами посмотрите на эти осколки. Правда, эти города не совсем Россия. В глубинке все попроще. Но и Париж, знаете ли, не отражает общую картину во Франции. А вы в Варшаву по делам?

– Нет. Я тоже транзитом. На Украину еду.

– Вот как? Ну тогда передайте там кровавому клоуну, что он будет гореть в аду, – кисло улыбнулся собеседник и снова взял газету, давая понять, что разговор окончен.

Рейс Париж-Варшава длится чуть больше двух часов. Все это время Ник, сидя в комфортном кресле бизнес-класса, размышлял о разговоре с «профессором». Раньше он старался не заморачиваться политикой. Так было проще жить и легче воспринимать действительность. Где-то там, далеко были Вашингтон, Москва, Пекин, которые бодались за мировое господство. Чуть ближе Елисейский дворец. Там восседал подобный Юпитеру нарцисс, возомнивший себя строителем новой Европы. Восседал, ну и хрен с ним. Ника он никак не касался. Жалование в Первом парашютном платили исправно, в самое пекло не посылали, и это было главное, что требовалось от правительства. По большому счету, до сих пор вся эта возня его не касалась. У него была служба, друзья, простые, но от этого не менее приятные жизненные удовольствия.

Со смертью отца все изменилось. Оказалось, что Вашингтон хочет переформатировать мир, сократив население почти вдвое. А час назад ему озвучили, что это еще не все.

Оказывается, у Америки дела совсем плохи и она находится на грани коллапса. Чтобы его избежать, Белый дом может развязать в Европе войну. Вернее, уже развязал. Пока только на Украине. Но в любой момент в конфликт могут втянуться вооруженные силы НАТО. Тогда...

При мысли о том, что может быть «тогда», Ник зябко пожегил. Он имел самое общее представление об армии России, но из того, что прочитал за последние пару дней об Украине, понял, что натовские и американские вояки пребывают в глубоком шоке от того, как воюют русские. Те, кто посмелее, даже выражают мнение, что при боевых действиях такой интенсивности у НАТО против Москвы вообще нет никаких шансов. Так это или нет, сказать было сложно. Но одно капитан помнил четко еще из курса общевоинской подготовки в Первом парашютом: у России дохренитища ядерного оружия. Причем есть суперсовременные системы, до которых Западу еще ковылять десятилетия. А еще он помнил тезис, что Москва не выдержит войну с НАТО на истощение. У нее на порядок меньший мобилизационный и экономический потенциал. Значит, риск ядерной войны в Европе при прямом столкновении с Россией очень велик.

Это наводило на грустные мысли. В голове вдруг возникла картинка его дорогой уютной студии в центре Парижа с видом на парк Бют-Шомон. Если полыхнет, то и квартире, и Парижу конец. Судя по словам «профессора», шанс, что полыхнет, увеличивался с каждым новым ходом игроков на

политическом поле Европы.

Польша. Граница с Украиной. Жешув

Варшава встретила Ника мелким моросящим дождем. Прежде чем ехать в рекрутинговый центр на границе, он решил денек побыть в столице, осмотреться, почитать местные новости. Еще в Париже он забронировал себе номер в Мариотте и трансфер от аэропорта.

Оставив сумку в номере, он заказал у портье подборку местных газет на французском и английском и вышел на улицу немного прогуляться перед обедом.

Отель находился в центре на основной торговой улице рядом с деловым и коммерческим кварталом. Дождь закончился. Время перевалило за полдень. Народ понемногу выходил на улицы, чтобы перекусить или выпить чашечку кофе в многочисленных кафешках. Еще по дороге из аэропорта капитан заметил, что на столбах вдоль дорог рядом с польскими висят и украинские флаги. Теперь на улице в просторном сквере, расположенном напротив отеля, он тоже увидел скачущую и скандирующую что-то толпу человек под двести. Почти все были закутаны в украинские флаги, некоторые держали плакаты с надписями на английском. Он читал, что после начала войны Европа приняла несколько миллионов беженцев и большая их часть осела в Польше, но не

предполагал, что украинцы будут так заметны в столице.

Капитан остановился, чтобы почитать, что написано на плакатах. Вместо ожидаемых «Остановите войну!», или «Дайте Украине оружия!», или «Нет российской агрессии» он с удивлением увидел выведенные на английском «Требуем увеличения пособия», «Верните нас в гостиницы» и еще что-то про бесплатный транспорт.

Стоявшие рядом две бабульки, бросая на желто-голубую толпу укоризненные взгляды, явно неодобрительно перешептывались. Потом одна из них громко сказала: «Brudni chlopi»⁵², – зло сплюнула и потащила подругу в сторону ближайшей кофейни. Ник аккуратно набрал транслитерацию этой фразы в своем смарте и, прочитав перевод, нахмурился. Ему казалось, что поляки поддерживают украинцев, а тут такое откровенное презрение.

Причины такого отношения прояснились к вечеру, когда он почитал местные газеты. Оказалось, что почти полтора миллиона украинских беженцев, осевших в Польше, были довольно серьезным бременем для бюджета. Их приходилось обеспечивать жильем, едой и платить пособие. При этом, считая себя защитниками Европы, устраиваться на работу украинцы не желали, вели себя по-хамски и требовали все больше денег и льгот. Официально с женщинами и детьми, бежавшими от войны, поляки еще могли смириться, но как минимум треть беженцев были здоровые мужчины, укло-

⁵² польск. *Грязные холоты.*

нявшиеся от призыва. Это вызывало серьезное недовольство в обществе, которое правительство всеми силами старалось купировать. Сбить нарастающую волну неприязни не давал еще и тот факт, что поляки считали западную Украину своей исторической территорией, где они когда-то были панами, а украинцы – холопами. Теперь польские элиты тешили себя надеждой вернуть эти земли до того, как туда доберется Россия. Отсюда шло и открытое презрение к беженцам.

Насчет войны информации в газетах было немного. Писали, что после отступления от Киева русские несут большие боевые потери, а санкции душат экономику. Еще немного – и Москве конец. Тогда Польша и заберет то, что ей причитается. Про наемников вообще ничего. Из полезного только то, что с пересечением границы в обе стороны проблем нет. Даже поезда ходили, что было удивительно, потому что именно по железке НАТО накачивало Украину оружием. В общем, обстановка в Польше и на границе никак не препятствовала осуществлению задуманного плана.

На следующее утро Ник заказал такси и выехал в рекрутинговый лагерь для наемников. После изучения нескольких вариантов его выбор пал на Жешув. Именно там, судя по отзывам, было больше порядка, потому что потенциальных солдат фортуны встречали спецы из десятка ЧВК, уже заслуживших себе репутацию. К тому же этот захолустный городишка на границе с Украиной стал основным перевалочным пунктом для поставки оружия воздухом из-за того, что со-

всем рядом была расположена база ВВС Польши, интенсивно используемая НАТО. Активность вокруг базы с началом военной операции русских кратно возросла. На ее территории были размещены небольшие группы координаторов из всех стран-доноров вооружения, включая Францию. Это было плюсом, потому что позволяло обратиться напрямую к французским офицерам, если что-то пойдет не так.

Иностранцев в Жешуве было так много, что поляки до небес задрали цены на единственную гостиницу, пару мотелей и съемные квартиры или комнаты. А еще местные создали целую инфраструктуру для обслуживания наемников. В их распоряжении было все: рестораны, магазины военной экипировки и, конечно же, бордели, где под чутким присмотром украинских шлюх наемники проходили первое погружение в языковую среду. Один из фермеров даже соорудил небольшое стрельбище для того, чтобы будущие защитники «демократии» могли пострелять из официально зарегистрированного оружия.

Для многих солдат удачи поездка на Украину заканчивалась именно здесь. Просадив все деньги, вдоволь нафотографировавшись в новом камуфляже с оружием на фоне боевой техники, они с головной болью и неприятными ощущениями в области паха возвращались в свои страны, чтобы первым делом обратиться к венерологу. С гигиеной и безопасностью секса дела в Жешуве обстояли отвратительно.

Это была, так сказать, первая линия отсева кандидатов.

Те, кто ее успешно проходил, попадали в расположенный рядом с авиабазой палаточный городок. Там спецы из десятка разномастных ЧВК проводили базовый скрининг и делили наемников на две основные группы.

Романтиков, сумасшедших, идейных борцов за «демократию» и прочих идиотов подбирали поляки или румыны, сбивали в группы и, как скот, вагонами отправляли на Украину. Там они, протрезвев, понимали, что оказались на передовой в укрепрайонах, защищаемых местной теробороной, отправленной Киевом на убой, чтобы отвлечь огонь русских от более боеспособных подразделений. Без подготовки, слаживания и сколь-нибудь серьезного вооружения эти ребята были обречены. Те, кто пытался бежать, попадали под пули заградотрядов нациков. У кого были деньги, тот откупался и, взяв себе в проводники матерого местного бойца, добирался до границы или до посольства в Киеве, где в соплях и слезах просил помочь покинуть страну. У кого не было денег, но были мозги, сдавался русским и попадал в лагерь. Там опять сопли-слезы «не стрелял», «не хотел», «не знал», «обманули», «повар», «связист». С этой категорией наемников было все понятно – дешевое пушечное мясо. Сколько таких погибло на ЛБС⁵³, сказать было сложно, потому что одеты наемники были в украинский камуфляж, а документы «в целях безопасности» изымали их украинские командиры, но счет шел на многие сотни.

⁵³ *Линия боевого соприкосновения.*

Во вторую группу после скрининга попадали ребята с боевым опытом или без него, но служившие или имевшие военную специальность. Эти ехали на Украину за обещанными Киевом деньгами. Их основной задачей было отбыть свой контракт, выжить, сорвать щедро спонсируемый Западом куш «боевых» и свалить из страны. Занимались ими в основном западные ЧВК с репутацией. С каждым собеседованием, оценка потенциала, затем либо предложение присоединиться к кампании, либо целевое направление в Интернациональный легион теробороны. В первом случае боец попадал на две недели в лагерь ЧВК по тактической подготовке и слаживанию боевых групп рядом с Жешувом. Во втором – в один из похожих лагерей в западной части Украины.

Была еще и третья, совсем небольшая категория наемников. В нее входили особые экземпляры: профессиональные «дикие гуси» и высококласные спецы из сил ССО⁵⁴ (снайперы, подрывники, диверсанты, классные операторы ПЗРК, ПТРК и РЭБ). Они приезжали по предварительной договоренности, нигде не светились, сразу же получали кого-нибудь из местных в сопровождение и исчезали на Украине через специальные коридоры на границе. Дальнейшая их судьба была покрыта мраком, потому что в соцсетях они следов не оставляли. Но ходили слухи, что им платят хорошие деньги. Те из них, кому повезло остаться в живых, «поработав» месяц на передке, возвращались домой с увесистыми кон-

⁵⁴ *Силы специальных операций.*

вертами налички. Этим штучным товаром занимались специально выделенные рекрутеры ЧВК, которые после проверки направляли спецов в силы ССО или элитные подразделения армии Украины.

Кроме тех, кто хотел повоевать на Украине в составе и при поддержке ЧВК, были и отчаянные одиночки в основном из этнических украинцев, принадлежащих к диаспорам в Штатах и Канаде. Они самостоятельно въезжали в страну и обращались в центры теробороны и штабы национальных батальонов, после чего становились частью военной машины Киева, сжигающей десятки тысяч жизней в безнадежной попытке остановить медленно, но неумолимо работающую мясорубку российской армии.

Подумав, Ник прикинул, что, скорее всего, подходит ко второй группе. Вскоре выяснилось, что он себя недооценил.

Каждый потенциальный наемник, прибывающий в центр без предварительной договоренности и желающий присоединиться к ЧВК, чтобы не тратить время на хождение по палаткам рекрутеров, мог заполнить на сайте короткую электронную анкету. Данные затем сортировались по категориям и передавались в ЧВК. Если кадр был стоящий, тут же проводился аукцион и тот, кто давал большую цену, получал приоритет по найму. Если нет, то кандидат получал место в электронной очереди и адрес палатки, куда ему надо было прийти для собеседования. Так поступил и Ник.

Перед въездом в Жешув он пролистал предложения по

съемной жилплощади. Гостиница и мотели были заняты, поэтому он выбрал комнату в прилично выглядящем коттедже на окраине города и отправился туда. У порога его встретила хозяйка, пожилая ухоженная полька. Приняла оплату наличными за сутки, виновато улыбаясь, попросила залог на случай, если постоялец повредит мебель или еще что, и впустила Ника внутрь.

Дом был небольшой. Два жилых уровня и цоколь. На первом этаже располагались просторная гостиная, кухня и столовая. На втором – четыре спальни. Когда капитан проходил через гостиную, то увидел в кресле одетую в натовский камуфляж девушку с ноутбуком на коленях.

– Привет новеньким! – громко сказала она по-английски, помахав ему рукой, потянувшись за стоящей на журнальном столике банкой пива. – Будет скучно, спускайся сюда. Я тебе все объясню-покажу, если заплатишь за ужин и выпивку.

– Спасибо, – не найдя ничего лучшего, ответил капитан и потащил свою увесистую сумку за хозяйкой вверх по лестнице.

Заселившись, он попросил принести пару бутылок воды и завалился с ноутбуком на кровать. Быстро прочитал ленту новостей, потом заполнил на сайте анкету наемника.

Не прошло и полчаса, как ему позвонили из ЧВК, уточнили, где он находится, и сказали, что сейчас пришлют машину. Минут через пять у ворот уже стояла неприметная серенькая шкода.

Вопреки ожиданиям, его повезли не в палаточный городок, а в располагавшееся около промзоны новое пятиэтажное офисное здание, где, как оказалось, его будущий наниматель арендовал пол-этажа современных, хорошо оборудованных офисов.

– Рады вас видеть, мистер Шерно, – встретила его у двери очаровательной улыбкой секретарь. – Мистер Смит вас ожидает. Прошу, – она сделала приглашающий жест рукой и провела капитан в глубь полупустого офиса, который, на первый взгляд, отличался от обычного только обилием утиканых разноцветными флажками карт на одной из стен.

– Рады вас видеть, мистер Шерно, – похоже, это было стандартное приветствие в офисе. Мистер Смит вышел к нему навстречу, пожал руку и пригласил к стоящему в кабинете столу переговоров. – Присаживайтесь. Нам есть о чем поговорить. Но... Если вы почувствуете от беседы дискомфорт, то можете в любой момент ее прервать. Идет?

– Идет, – ответил Ник, немного смущенный таким вниманием.

– Ну и прекрасно, – хозяин широко улыбнулся. – Давайте знакомиться. Как вы поняли, меня зовут Смит. Это, конечно, не настоящее имя, но таковы уж тут правила. Вы – Николас Шерно, капитан медслужбы Первого парашютного, пару дней назад закончивший контракт, но формально еще числящийся в штате полка. Как вы хотите, чтобы я к вам обращался?

– Я привык к «капитану Шерно».

– А может лучше капитан Чернов? – в глазах рекрутера мелькнул огонек интереса, когда он наблюдал за реакцией гостя.

В контрразведке полка, да и с начальством Ник уже несколько раз проходил процедуру с обыгрыванием его имени и русского прошлого отца, поэтому спокойно ответил:

– Можете и так. Но по паспорту я Шерно и привык к своей французской фамилии.

– Не подумайте, что я считаю ваши русские корни чем-то предрассудительным. Наоборот, если вы прошли все проверки перед службой в элитном спецподразделении, то вопросов нет и быть не может. Просто...

– Просто вы хотели меня удивить тем, что навели обо мне справки и вышли на русскую фамилию моего отца, которую он никак не скрывал? – Ник с вызовом посмотрел на рекрутера.

– Хм. А вы достойно держитесь. Нам такие люди нужны.

– Кому – вам? Частной военной компании, поставляющей бойцов на украинский фронт?

– Частной, но не военной, – примирительно улыбнулся Смит. – Мы не ЧВК. Мы ЧРК – частная разведывательная компания. А я – ее владелец и глава.

– Интересно, чем вас заинтересовал обычный полевой медик вроде меня? – поднял брови капитан.

– О! Вы именно то, что нам сейчас нужно. Но прежде, чем

мы приступим к конкретному разговору, позвольте спросить. Что привело на Украину вас, капитана французской армии и довольно состоятельного человека. Судя по вашему досье, на романтика вы не тянете, на идейного тоже. Деньги вам не нужны. На идиота вы уж точно не похожи. Так что? Секс-тур в военную зону? Запретные развлечения под вой сирен воздушной тревоги? За экстремально острыми ощущениями туда сейчас многие едут.

– У меня причины личного характера, о которых я не хотел бы распространяться, – уклончиво ответил Ник.

– Причины личного характера? – понимающе улыбнулся мистер Смит. – Что ж. Пусть будет так. Главное, чтобы они не мешали делу.

– Какому делу? Я ведь не шпион.

– Ну, во-первых, мы не занимаемся шпионажем. Наша специальность – разведка. Это две разные вещи. А, во-вторых, вы себя явно недооцениваете. К тому же мы даем нашим людям только те задания, которые им по силам.

– Откуда вы знаете, что мне по силам?

– Наш разговор пошел на круг. Мы можем до вечера говорить ни о чем и только потратим время. Поэтому перейдем к делу, – улыбка исчезла с лица разведчика. – Итак. Что мы имеем. У вас есть некий мотив на Украине. У нас есть запрос от заказчика, под который подходят ваши навыки. Мы можем помочь друг другу. Давайте я вам расскажу как. Куда вы хотите попасть на Украине?

– Допустим, в Харьковскую область, – Ник подумал, что стоит потянуть немного информации, может, действительно у этого улыбчивого вежливого человека с холодным взглядом удава есть стоящее предложение.

– Допустим. Давайте посмотрим, что у нас сейчас в Харьковской области, – Смит взял со стола пульт и активировал настенный экран, на который была выведена карта Украины. Увеличил нужный сегмент. – В начале апреля русские оставили северо-восток Украины и сконцентрировались на операциях в Донбассе. Также они частично отвели войска из Харьковской области. Киев считает это своей победой. Спорить не буду. В СМИ это все действительно выглядело эффектно. Но на самом деле Москва совершила стратегический маневр, чтобы сконцентрировать все силы на юго-востоке. Именно там сейчас находится самая боеспособная группировка ВСУ численностью до семидесяти тысяч, плюс под две тысячи единиц бронетехники, плюс полтысячи артиллерии, плюс еще много чего. На начало операции войск там было значительно больше, но русские за два месяца основательно все проредили. Получилось, что Харьковская область для Москвы сейчас не приоритет. Тем не менее там идут боестолкновения слабой интенсивности. Украинцы пытаются контратаковать, но все их попытки гасит артиллерия. Фронт под Харьковом сейчас идет от российской границы на юг по условной линии Терновая-Байрак-Старый Салтов и дальше по реке Северский Донец через Балаклею до Изю-

ма, — он подсветил маркером населенные пункты. — А вот там, в районе Изюма, русские готовят плацдарм для удара по Славянску и Краматорску, где будет вторая линия обороны после того, как они окружат и уничтожат группировку ВСУ на Донбассе.

— Как так? — удивленно поднял брови Ник. — Все же пишут, что Украина выигрывает. А вы говорите о том, что семидесятитысячная группировка может быть окружена и уничтожена.

— Правильно пишут. Пусть продолжают в том же духе. Европа должна думать, что Киев выигрывает войну, а Россия несет огромные потери. Иначе они не будут поставлять туда оружие и перекачивать бабло. Зачем поддерживать режим, который обречен.

— Так все это ложь? Про победы и потери русских.

— Почему ложь. Это психологическая война. В результате нее большая часть населения Европы и США сейчас ненавидит русских, обвиняет их во всех проблемах и надеется, что Украина вот-вот победит. Для этого оно готово терпеть нарастающие неудобства и падение уровня жизни. Это необходимый фактор в ведении нашей войны против России.

— Нашей войны? — снова удивился Шерно.

— Да, нашей войны. Что тут удивительного? Запад воюет с Россией руками Украины. Именно для этой войны она нами готовилась на протяжении последних восьми лет. Еще бы года два, и подготовка была бы завершена. Киев бы уве-

личил кадровый состав ВСУ на сто тысяч, мы бы закончили перевооружение, и на тебе – триста двадцать тысяч регулярной армии, шестьдесят тысяч нацгвардии и под сто тысяч нацбатов. Полмиллиона бойцов. Реально, самая сильная армия в Европе. Костяк этой силы – нацисты. Все мотивированы, ненавидят русских, готовы пойти хоть на Крым, хоть на Москву.

– Вы признаете, что Украина поддерживает нацизм? – для Ника эта информация была полным откровением.

– Не только признаем, но и помогаем им в этом уже десятки лет. Это тоже часть психологической войны. История показывает, что нацизм – одна из самых примитивных, но в то же время самых эффективных идеологий. К тому же она очень проста в практическом исполнении. Убеди нацию, что она лучше и достойнее соседей, заставь их ненавидеть, развей в ней чувство собственного превосходства, дай оружие, чтобы его утвердить, и ты получишь прекрасный инструмент в виде тупых идиотов, готовых идти на смерть за дешевые нацистские лозунги. В случае с Украиной это «слава нации» и «Украина понад усім». Ничего не напоминает? «Deutschland, Deutschland über alles.» «Германия превыше всего.» Так пели нацисты Третьего рейха, пока им русские не надрали задницу. Так что на Украине прямая реинкарнация нацизма в его самой примитивной, первобытной форме. Хотите немного истории, раз уж мы отклонились от темы. Вы знаете, от кого произошли украинцы?

– Наверно, от каких-нибудь славянских племен, обитавших в Восточной Европе.

– Ничего подобного, – покачал головой Смит. – Украинцы, они же Великие Укры, произошли от шумеров – одной из древнейших цивилизаций на планете, существовавшей четыре тысячи лет до нашей эры на территории современного Ирака. Это было задолго до египетских фараонов, до Древней Греции, до Древнего Рима. Более того, мы, европейцы, тот же Рим и Греция – это осколки племен древних Укров, которые, по одной из версий, являются еще и прямыми наследниками Атлантиды. А раз так, то по пути в Европу шесть тысяч лет назад они изобрели письменность, математику, астрономию, другие науки, а заодно выкопали Черное море, потому что не могут жить без воды. Они ведь потомки атлантов.

– Вы шутите. Это же полный бред.

– Да, бред. Тем не менее это чуть ли основная официальная версия истории Украины. Она подтверждает, насколько у людей там засраны мозги националистической идеологией. Главное, эта идеология своим острием направлена против России. А это как раз то, что нам нужно.

– А как же европейские ценности?

– Вы меня удивляете. Какие, нахрен, ценности. Неужели все французы такие наивные, – снисходительно улыбнулся Смит. – Оглянитесь вокруг. Европейские или общечеловеческие ценности – миф, брошенный элитой, чтобы контроли-

ровать толпу, дать ей иллюзию равноправия. Лет через пять в Европе установится скрытый или даже открытый тоталитаризм. А стадо баранов, под радостное блеяние идущее туда, куда его гонят пастухи, будет все еще верить, что живет в свободном и демократическом мире. Кстати, если Россия реально победит на Украине, фашизм в Европу придет гораздо раньше. Но это будет даже хорошо, потому что, возможно, принесет на континент мир. Двум тоталитарным системам, функционирующим на прагматической основе, договориться легче.

– Что значит реально?

– Реально победить, в моем понимании, значит сломать, нахрен, весь этот вонючий свинарник и навести там свой порядок. Но русские действуют в рамках своей устаревшей идеологической парадигмы. Они считают себя с украинцами одним народом. В этническом плане так оно и есть. По их мнению, Украина – это глупая шлюха, которая отдалась Западу за горсть конфет в яркой обертке и обещание жениться. Теперь они, сердясь, но не свирепствуя, пытаются ее образумить и вернуть в семью. Боюсь, тут они глубоко ошибаются, а значит, их ждет очень неприятный сюрприз. Проблема для Москвы в том, что Россия не готова к настоящей войне ни с точки зрения настроений в обществе и госаппарате, ни с точки зрения идеологического противостояния с врагом, ни с точки зрения экономики. Даже их военное и политическое руководство не готово к настоящей войне и поэтому не при-

нимает тот факт, что она уже идет на Украине. Оно рассматривает свое вторжение как спецоперацию. Что-то вроде масштабного антитеррора. Из того что я вижу по первым месяцам, их армия тоже не полностью готова. Они, конечно, нас многим удивили, и, сказать по правде, я бы не хотел столкнуться с ними на поле боя, когда они будут воевать в полную силу. Но многие элементы, такие как снабжение, связь, координация очень сильно провисают. Это то, что на виду. О том, что творится в тылу, можно только догадываться. Русские все эти недочеты, конечно, выправят, но это займет время. В то же время Кремль понимает, что Украину последние восемь лет мы готовили к войне с Россией, видит, что именно на этом была сконцентрирована наша помощь и основные усилия государства и общества. Причем он катастрофически недооценивает степень этой готовности. А украинцы к войне готовы. Первые дни стали для них шоком, но Киев быстро оправился и сейчас входит в мобилизационный режим. Его главной задачей является перевод всей экономики и общества на ведение тотальной войны без правил и тормозов всеми доступными средствами. Цель этой войны – нанесение максимального урона России. По плану это должно вызвать внутреннее недовольство и смену власти в Кремле. Сколько при этом погибнет украинцев, абсолютно неважно.

– Это чудовищно.

– Это политика, друг мой, – снисходительно улыбнулся разведчик. – И я вижу, что это очень удачная политика. По-

сколько Москва считает украинцев братским народом, заразившимся нацизмом, то она не воюет в полную силу. Они не наносят ударов по политической и экономической инфраструктуре, по коммуникациям, используют весьма ограниченный армейский контингент, не применяют и половины средств из своего арсенала. Как сказал один уважаемый военный эксперт, которого я никак не могу купить, «русские воюют лишь одной рукой». Похоже, они не хотят победы, а рассчитывают на переговоры. А это как раз то, что нам надо. Россия все больше и больше вязнет на Украине. Если бы они отнеслись к войне серьезно, то решили бы вопрос за три-четыре месяца. Но по своей глупости, которую они называют гуманностью, этого не произошло. Теперь, когда боевые действия приняли затяжной, позиционный характер, им будет очень тяжело. В момент, когда стало ясно, что быстрой победы у русских нет, а военная кампания ведется без четких целей и ориентиров с постоянными предложениями переговоров, к игре напрямую подключились мы. Воевать чужими руками мы умеем, можете мне поверить. Сейчас поставки оружия пойдут по нарастающей: артиллерия, системы залпового огня, ПВО, возможно, авиация и танки. Пойдут десятки миллиардов долларов на увеличение украинской армии и перевод экономики на военные рельсы. Мы будем давить Россию санкциями, а Украина будет изматывать ее на поле боя. Киев по результату все равно проиграет. Но при этом русские месяцами будут истекать кровью. Даже если не

удастся сменить режим, их военные и экономические ресурсы истощаются. Есть надежда, что они выйдут из этой войны ослабленными настолько, что им уже будет не до давления на НАТО и прочих геополитических игр.

– Странно, что они этого не видят, – покачал головой капитан.

– Может, видят, но не хотят признать очевидное. Их руководство, похоже, до сих пор живет в плену иллюзий. Хотя все может измениться в любой момент. Сейчас конец мая. Мы в ближайшие недели объявим о новых поставках систем вооружения. Мы сгребем на Украину старый советский хлам со всего мира: броню, авиацию, артиллерию. Может, поставим что-то свое, современное. Пусть воюют. Украинцы при этом увеличат армию до миллиона. Из них только тысяч четыреста буду боеспособны и оснащены, но этого будет достаточно, чтобы провести несколько очень болезненных кинжальных наступлений. Беда русских в том, что они силами в двести тридцать тысяч держат линию фронта почти от Николаева до Харькова. А это практически семьсот километров. В некоторых местах она насыщена их войсками, в других есть очевидные слабые места, но глубины обороны и укрепления территорий у них нет. Удержать такую линию малыми силами невозможно. Им даже ротацию боевых частей провести нечем. Для того чтобы ее укрепить, русские уже сейчас должны усилить свой контингент либо за счет призывников, либо за счет мобилизации. По неизвестной причине

они этого не делают. Это их огромный просчет, за который они через пару месяцев очень дорого заплатят. Возможно, заплатив высокую цену, в Кремле поймут, что нужно всерьез воевать, а не строить иллюзии о том, что украинцы-братья и ждут только того, чтобы их освободили от нациков. Вот тогда начнется настоящее шоу. Интересно будет понаблюдать. Но желательно со стороны.

– То, что вы говорите, – неприкрытый цинизм, – возмутился Ник, но тут же в его сознании всплыл чудовищный проект «Очищение», по сравнению с которым украинский нацизм меркнет даже в самых гнусных его проявлениях.

– Это не цинизм, капитан Шерно. Это трезвая оценка реальности от человека, посвятившего двадцать лет разведке. Но вернемся к Украине. Русские, видя, что мы на протяжении восьми лет открыто готовим против них таран, решили действовать на опережение и в феврале нанесли удар первыми. Их план сработал не полностью, но итак неплохо получилось: они вошли на Донбасс и взяли пару областей на юге Украины. Сейчас русские режут русских, что нам и надо было. Как бы теперь ни закончилась война, мы в любом случае окажемся в выигрыше. Главное, чтобы политики не облажались и Европа со Штатами не посыпались изнутри. Чтобы расставить точки над «і», повторю, что у Киева шансов выиграть войну нет ни при каких условиях. Реальный расклад будет зависеть от того, что Москва посчитает для себя победой, то есть приемлемой компенсацией за понесен-

ные потери. Сколько земли она захочет присоединить и во что решит превратить остатки Украины, если не заберет ее полностью. В любом случае для Москвы это будет огромная победа, потому что присоединение новых территорий стоит любых жертв, людских, экономических или репутационных. Просто вдумайтесь. С окончания Второй мировой Америка постоянно воюет. На протяжении семидесяти пяти лет не было ни года, чтобы мы где-нибудь не вели боевые действия, кого-нибудь не бомбили или не наносили ракетные удары. При этом к США не было присоединено ни сантиметра чужой территории. А Россия за восемь лет отжала Крым, а сейчас заберет Донбасс и юг Украины. А это, на всякий, случай кусок земли размером в треть Франции. Так что, несмотря на все иллюзии, в Кремле знают, что делают. Наша задача, чтобы при этом Россия понесла как можно больше потерь и получила максимальные разрушения на приобретенных территориях, на восстановление которых потом десятилетиями придется тратить гигантские ресурсы. Как видите, я с вами полностью откровенен, – Смит улыбнулся своей милой, почти невинной улыбкой. – Ну что. Вы еще не передумали ехать в Харьковскую область после того, что услышали?

– Не передумал, – буркнул Ник и исподлобья взглянул на разведчика, который, судя по озорному блеску в глазах, наслаждался тем, какой эффект произвели его слова на наивного француза. – Только непонятно, чем вам, таким продви-

нутым, могу помочь я? Разве что врачом в госпитале или на передовой.

– Можете. Даже не сомневайтесь. Я занимаюсь разведкой, то есть сбором и проверкой информации о воюющих сторонах. Ну и выполняю некоторые особые задания заказчика по мере их поступления. Несмотря на то что действиями ВСУ на оперативном и стратегическом уровнях руководят наши генералы, украинцы многое скрывают. В частности, у нас нет достоверной информации о потерях и о моральном состоянии войск. В этом вы как раз и можете нам помочь. У меня есть работа, для которой нужен квалифицированный военный врач с опытом в зоне боевых действий. Чтоб не падал в обморок от оторванной снарядом ноги или кишок, вываливающихся на землю от попадания осколка размером с кофейное блюдце. Судя по послужному списку, вы как раз такой человек. Я предлагаю вам на некоторое время стать инспектором Международного Комитета Красного Креста в зоне боевых действий. Вы будете работать в прифронтовой полосе. Посещать госпитали, куда прибывают раненые, и собирать статистику. Сколько раненых, какой тяжести ранения, где и при каких обстоятельствах получены, тип поражения. Будете проводить выборочные опросы раненых с целью выяснить обстановку на фронте, моральный дух, желание сопротивляться русским. По результатам каждого визита будете заполнять стандартную электронную форму и отправлять сюда. Здесь данные аккумулируются и сбиваются в блоки.

Ваша информация станет одним из элементов, на базе которого симулятор нейросети раз в неделю готовит для заказчика сценарии дальнейшего развития войны.

– На фронте есть связь и интернет? Русские разве не выбили мобильные вышки и операторов?

– Как ни странно, нет. Они вообще ведут себя непонятно. Я же говорил, воюют с одной рукой за спиной. Так что мобильная связь есть. Качество неустойчивое, хотя передача данных возможна. Но вас это не должно смущать. Мы предоставим вам спутниковый комплекс связи. И не только. Для выполнения задания у вас будет комплект документов от украинского МИДа, дающий вам статус, приравненный к дипломатическому, а еще специальные допуски в прифронтовую зону от Минобороны и СБУ, обязывающие всех гражданских и военных оказывать вам содействие. Ну и, конечно, транспорт, расходы, логистика и сопровождающие.

– Сопровождающие? – насторожился Ник. – Это еще зачем?

– Вы говорите на украинском? – чуть прищурившись, спросил разведчик.

– Нет.

– Значит, вам нужен переводчик, – назидательным тоном заявил Смит. – Вы сможете доходчиво объяснить пьяным теробороновцам на блокпосте, что вы не русский шпион?

– Ну... У меня ведь будут ваши бумаги от МИДа и Минобороны.

– Если вас остановят ночью на лесной дороге, то вы этими бумагами можете подтереться. Нет ничего ужаснее пьяного или обколотого хохла с автоматом. А они там, как только покидают расположение части, то поголовно пьяные и почти все с автоматами. Поверьте, там куча желающих проверить ваш багаж и карманы на тему конфискации ценностей в пользу украинской демократии.

– То есть там царит беззаконье?

– Не беззаконье. Беспредел. Причем такой, что дикий Запад рядом не лежал. Там нацисты уже который год насилуют, грабят и убивают свое же население.

– Но почему? Они ведь живут в одной стране и борются с одним врагом. По идее, вооруженные силы должны защищать мирное население.

– М-м-да, – Смит посмотрел на капитана взглядом учителя, не довольного тем, как выполнено домашнее задание. – Вижу, вы не в курсе элементарных фактов. Понимаете. Украина фактически разделена на три части. К востоку от Днепра и на юге живут русские. В центре, около Киева, те, кого условно можно назвать украинцами, хотя они тоже русские по крови. А на самом западе, на границе с Польшей, западенцы – прожженные украинские националисты, которые составляют ядро нацистского движения. Это бывшие польские холопы с вбитым в них веками холопским сознанием и от этого комплекса неполноценности злые на весь мир. Для них русские с востока Украины – не люди, хоть и живут в той же

стране, и воют в одних с ними окопах. Поэтому они к ним относятся, как к врагам. Со всеми вытекающими последствиями. Это странно. Потому что основу наиболее боеспособных и мотивированных частей на переднем крае составляют как раз русские парни, которым украинская нацистская пропаганда на протяжении последних лет успешно засрала мозги. Удивительно, что за восемь лет могут сделать СМИ с вменяемыми в общем людьми. Ведь до переворота в четырнадцатом году две трети населения Украины было за Россию.

– Я вижу, вы не очень жалуете Киевскую власть, – поднял брови Ник.

– За что ее жаловать? Из-за этих дебилов мир может разлететься в труху. А у меня молодая жена, дети, виллы в Италии и во Флориде, яхта. Еще пару месяцев назад я наслаждался жизнью в своем дорогом офисе в Майами с видом на океан и потягивал бурбон, а сейчас сижу в этой гребаной дыре, где и поговорить-то не с кем. Так что Киев мне любить не за что. Хотя украинцы тут, по большому счету, ни при чем. Просто глупое стадо. Во всем виноваты Вашингтон с Брюсселем. Ну и такие, как я.

– Если бы не было Украины, не было бы спроса на ваши услуги.

– Как бы не так. За последние десять лет мой бизнес удваивал оборот каждые полтора года. Ирак, Афганистан, Тайвань, Йемен, Судан. Пальцев на двух руках не хватит. Информация из горячих точек нужна всем. А я умею ее добы-

вать и анализировать. Но мы опять ходим кругами, – разведчик облокотился локтями на стол и внимательно посмотрел Нику в глаза. – Ну так как вы отнесетесь к моему предложению, месье Шерно?

– Хотелось бы узнать условия контракта, – осторожно спросил капитан.

– Контракт я вам сброшу на почту. Почтаете. В двух словах – шесть месяцев с правом продления, семь тысяч евро в месяц, страховка по ранению и смерти, после каждого двух месяцев две недели отпуска на восстановление за счет фирмы. Иммуитет и защита как сотрудника Красного Креста. Ну и прочие мелочи, расходы, отели, еда, питье для украинских коллег. Без этого никак.

– Звучит заманчиво, – Ник в раздумье поскреб подбородок. – Время подумать есть?

– Есть. До завтрашнего утра, – довольно улыбнувшись, кивнул Смит, понимая, что кандидат уже принял нужное ему решение.

Вернувшись в свою комнату, капитан попросил горничную принести пару банок пива, сделать бутерброды, достал из сумки ноутбук и завалился на кровать. На почту от Смита пришел контракт, и он намеревался его детально изучить, чтобы не попасть в какую-нибудь мудреную юридическую ловушку, расставленную ушлым разведчиком. Документ был небольшой, всего две страницы. Тем не менее он перечитал его несколько раз.

Когда Ник управился с бутербродом и размышлял, стоит ли перечитывать, в общем-то, простенький контракт еще раз, в дверь настойчиво постучали.

– Хеллоу! Мистер француз. Не хотите ли пообщаться? – раздался снаружи женский голос.

Недовольно наморщив нос, Шерно отложил ноут. Он много читал об украинских проститутках, полюбивших Жешув из-за наплыва наемников и военных, но не думал, что они ведут себя настолько навязчиво.

– Извините. Секс меня не интересует, – громко сказал он.

– А меня интересует. Но не сейчас, – донеслось из-за двери. – Я ваша соседка по дому. Есть разговор.

Выражение лица Ника переменилось с недовольно-сердитого на удивленно-заинтригованное. Это, наверно, та девушка в камуфляже, что поприветствовала его, когда он заселялся. Интересно, что ей надо.

– Секунду, – он слез с кровати, бросил быстрый взгляд в зеркало. Легкая помятость, конечно, присутствует, но и здесь не светский раут. Открыл дверь. Это действительно была она – девушка в камуфляже. Симпатичная. Хотя короткая стрижка придавала ее лицу излишнюю жесткость. Хорошо сложена, видно, что уделяет время физухе. Довольный тем, что увидел, Ник спросил: – Позвольте узнать тему разговора.

– Надо поговорить насчет вашего визита в Матрицу.

– Куда? – опешил капитан.

– В Матрицу. К мистеру Смиту, – она чуть понизила голос. – Вы сегодня были у него на собеседовании. Я это поняла по серой шkode с варшавскими номерами, которая вас подбирала.

– Интересно-интересно, – наклонил голову Ник. – А вы наблюдательны.

– Работа такая, – улыбнулась девушка.

– Вы профессиональный наемник? – вдруг спросил капитан.

– Мы так и будем стоять в дверях или присядем и поговорим как взрослые люди?

– Конечно. Проходите, – он открыл дверь, отступил в сторону и сделал приглашающий жест.

– Негоже приличной даме, толком не познакомившись, ломиться в комнату к джентльмену. Пойдемте вниз, в гостиную. Третьего постояльца сейчас нет. Наверно, опять бухает с такими же лузерами в баре. А хозяйка и горничная английский не понимают. Думаю, можно будет спокойно поговорить.

Они устроились в небольшой гостиной в креслах напротив телевизора. Девушка включила новостной канал, прибавила звук и наклонилась к Нику.

– Я Ребекка Барк. Журналист-фрилансер, независимый блогер и все такое. Можно просто Бекки.

– Ник, – коротко представился он.

– Я военный журналист. Освещаю боевые операции в раз-

ных частях мира. Была в Ираке, Афганистане, Йемене, Мали, еще дохрена где. Там, где стреляют, там и я, — она протянула визитку. — Здесь ссылка на мой блог. Можете проверить историю. Подписчиков всего полмиллиона, но для военного блогера это очень круто.

— Вы были в Мали? Если не секрет, когда, где? — поинтересовался капитан.

— В прошлом году в сентябре, после того как вы, ну, в смысле, французы, разбомбили деревню в провинции Кидаль и положили там человек тридцать мирняка⁵⁵ ради четырех террористов. Я там журналистское расследование проводила.

— Да. Неприятный инцидент. Ошибка вышла.

Ник вспомнил, что тогда выбор стоял между рейдом спецназа и точечным авиаударом. Начальство выбрало авиаудар. Правда, он получился не точечным. Две ракеты попали в цель, но оказалось, что в этой хижине собралась вся деревня. То ли на свадьбу, то ли на какой-то праздник. Скандал был тогда, жуть. Первый парашютный месяц сидел в Госси безвылазно, пока дипломаты и генералы в Париже пытались все уладить.

— Хей! Да ты, я вижу, там тоже был, — оживилась девушка. — Ничего, что я на «ты»?

— Может был, может нет. Какая разница. О чем поговорить хотела? И что за хрень с Матрицей и мистером Смитом?

⁵⁵ жарг. Мирняк — мирное население.

– О нем и хотела поговорить, – опять понизила голос она. – Я за ним уже лет пять наблюдаю. Охрененно крутой перец. Матрица – это новая фирма, которую он создал специально под Украину. Похоже, именно здесь сейчас приоритет ЦРУ.

– Он что, цэрэушник? – насторожился Ник.

– Нет. Он частный контактор. В некотором смысле тоже наемник, только очень, очень высокого уровня. У него несколько разных фирм, укомплектованных лучшими оперативниками и оснащенных по максимуму. Работает по прямым заказам ЦРУ, Пентагона и всяких там вашингтонских шишек. Бабла гребет немерено. Выполняет за них грязную работу или ту, где Вашингтон светиться не хочет. Здесь, в Жешуве, Смит самый крутой. Все остальные по сравнению с ним – мелкая мелочь. Если он здесь, значит, на Украине затевается охрененно крупный замес. И, похоже, ты в этом замесе будешь участвовать. А раз замес крупный, то это может быть охре-факин-ненный материал. И я бы хотела его заполучить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.